Всегда возвращаются птицы

Автор:
Ариадна Борисова

Всегда возвращаются птицы

Ариадна Валентиновна Борисова

За чужими окнами

Иза поклялась никогда не выходить замуж. Для этого у нее было аж две причины. Первая – боязнь самой любви, порой некрасивой и жестокой. Вторая – воспоминание о солнечном мальчике, рыжем цыганенке, озарившем некогда жизнь Изольды, чтобы потом исчезнуть без следа.

Как и тысячи девушек, Иза приехала в Москву поступать на театральное отделение. Сердце молодой провинциалки, несмотря на данный обет, полно надежд и ожидания счастья.

Ариадна Борисова

Всегда возвращаются птицы

Посвящается семи народам, кровь которых течет во мне

© Борисова А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Часть первая

Звон-город

Глава 1

Эхо мамы

Белесый овал лица в смутной дымке – вот и все, что осталось под стеклом от выцветшей фотографии. Улыбка мамы растаяла на солнце, как первый снег, выпавший в день ее похорон. Иза помнила девственно-белый покров на широком пустыре за кладбищем, а нынче город придвинулся почти вплотную. Стояло лето, дети играли в лапту между мирами живых и мертвых. Сильные юные ноги разравнивали безымянные холмики по краям, но просторнее демаркационная полоса не становилась: с жилого боку на нее наступала стихийная рать сараюшек и огородов.

Дядя Паша пригубил красного вина из стакана.

– Из Каунаса о тебе справлялись. Я написал, что ты с серебряной медалью школу окончила и собираешься поступать в Москву.

– А-а? Да, спасибо, что написали, – рассеянно отозвалась Иза.

Он говорил о чем-то еще, но плывущие вдаль слова угасали, а шаткие оградки и деревянные звезды таяли в зыбком тумане. Иза вдруг как в мерцающем зеркале увидела мамино лицо. Ни к какому мистическому наваждению зеркало отношения не имело, это было яркое детское воспоминание. Мама с задумчивой проницательностью смотрела в дочкино сегодня из того дня, когда черная тарелка коридорного радиоприемника извергала вдохновенную скорбь. Незаметно сменяли друг друга фрагменты траурных произведений, слитых в нескончаемый плач, иногда наплывы минорных пассажей замирали, и в ломкую паузу, в щели и углы общежития проникал голос Левитана. Всеобъемлющий

реквием посвящался тому, кто долгие десятилетия вселял в души столь же необъятный страх. Этот человек ушел, и, хотя на лицах взрослых еще лежала тень растерянности и недоверия, страх исчез. Не было его и на румяном от волнующих событий лице мамы. Готовясь к ночи, она стояла в бумазейной сорочке у зеркала и расчесывала свои пепельно-рыжие кудри.

Удушливые репризы «Аппассионаты» прервал земной голос дяди Паши:

– Не родственник, сказали, не положено по закону. Одинокий к тому же. Хотя стал бы, по сути, не одиноким, если б дали опекунство оформить, и ты бы не бедствовала в детдоме.

Чиркнув по вневременью синей молнией маминого взгляда, отражение испарилось в дрожащем зное.

– Вон меня, беспризорника, бессемейный учитель на ноги поднял. Тоже в казенку затолкнуть хотели, ан нет – отвоевал, царство ему небесное. А я не смог отстоять.

Дядя Паша, видимо, оправдывался перед маминой могилой. Сетования о тщетных его походах в горсовет Иза слышала не однажды. Напомнила мягко:

– Я уже не ребенок.

– Выросла, – печально кивнул он. – Мария бы радовалась. После учебы в Каунас постарайся распределиться. В Клайпеду съездишь, поклонишься родительскому городу, Балтийскому морю.

В памяти повторилась просьба мамы, высказанная ею накануне смерти: «…принеси к морю подарок фрау Клейнерц и брось его подальше. Как будто мы с папой вернулись».

«Бел-горюч камень» – так мама называла янтарь – хранился под документами в ее заветной шкатулке. Сосновая слеза, чреватая завязшим березовым семечком невероятной величины, подтекла кругло налитой книзу каплей и сорвалась, чтобы стать украшением. Окутанный зеленоватым дымком, инклюз напоминал недозрелое яблоко. Редкой прозрачности камешек обнимала золотая жилка в

форме сердца.

Маленькая Изочка втайне считала каплю настоящей слезой. Правда, не человечьей – русалочьей. В папиной любимой литовской песне говорилось о русалке Юрате, дочери морского царя Пяркунаса. Царь построил ей дворец из янтаря, где она жила счастливо до тех пор, пока не услышала песню рыбака Каститиса. Юрате влюбилась в человека, чего отец не смог ей простить. Пяркунас сразил возлюбленного дочери молнией и разнес в осколки прекрасный дворец. Крупные обломки янтаря, которые стали находить люди на берегу после штормов, и есть те самые осколки, а небольшие окатыши – это слезы прикованной ко дну Юрате.

Добрая старушка в Клайпеде подарила кулон Марии вроде талисмана на счастье. В арктической ссылке родителям Изы пришлось обменять кулон и все сколько-нибудь драгоценные вещи на еду и теплую одежду. Признанные политически неблагонадежными, Мария и Хаим Готлиб рыбачили на ледяном море Лаптевых, где никакие сокровища не спасли бы их от обморожения. А «талисман», между прочим, оправдал свою рекомендацию – спас жизнь временной владелице. Позже эта женщина его возвратила, но маме он счастья не принес. Не успел. И долгожданная справка об оправдании опоздала, мама была уже безнадежно больна.

В день ее смерти – день рождения Изочки – в классе шел диспут о счастье. Он ничем не отличался от урока: учительница говорила о преимуществе коллективного счастья перед эгоистичным индивидуальным и задавала вопросы. Ребята послушно отвечали: «Счастье – вырасти коммунистом», «Победа Советской армии на всей земле». Изочка слушала и вспоминала мамины слова: «У одного города, дочка, есть прекрасный девиз: «Равновесие в доме – мир вокруг». Папа считал это изречение выражением высшего человеческого благополучия, и я тоже так считаю. Счастье, когда твоя душа согласна с миром, а мир – с тобой». Изочка думала о маме и не знала, что мамы у нее больше нет.

Дядя Паша длинно отхлебнул из стакана.

– Павел Пудович, вы б не пили…

Для него эта фраза давно стала дежурной, но Иза всякий раз произносила ее с незатухающей тревогой.

– Не водка же. Баловство, марганцовка сладкая. – Он не без сожаления прислонил к холмику ополовиненную бутылку.

Ветер донес с уличным шумом обрывок песни из громкоговорителя. «Хоть та земля теплей, а Родина – милей, милей, запомни, журавленок», – наставлял вожак несмышленого слетка проникновенным баритоном Владимира Трошина. Иза усмехнулась: не по Гришкиной ли заявке исполняет песню артист? Журавленком называл ее почему-то Гришка-Мореход. Они все детство то дрались, то мирились. Отец мальчика пил, мачехе он не был нужен и отстал в учебе. Мария помогла второгоднику выправить оценки, приохотила к чтению книжек о море. Гришка привязался к маме, а ссориться с Изочкой так и не перестал.

«…Где-то там вдали курлычут журавли, они о Родине заснеженной курлычут», – бередил душу певец.

– Патефон с пластинками я вам верну, Павел Пудович, ладно?

– Подарки не возвращают. Отдай девчонкам, пусть танцуют, и свою зимнюю одежду кому-нибудь отдай, в столице попристойней купишь.

«На какие деньги куплю?» – подумала Иза, но не сказала вслух. Простеганное ватой пальто коричневого сукна и валенки ей выдали в детдоме вместе с выпускным пособием, которого едва хватало на поездку в одну сторону. А если Иза не поступит… Такого не могло быть, она просто запрещала себе думать, что тогда будет.

Дядя Паша вынул из портфеля небольшой газетный сверток:

– Тут, думаю, довольно денег на приличное пальтишко с обувкой, и не туговать полгода. На, держи, чего руки спрятала?

Иза попятилась с заложенными за спину руками:

– Нет, нет, я вам без того должна…

– Бери без разговоров, – перебил он нетерпеливо, и смешливые искры вспыхнули в карих глазах. – Не мой капитал, Марии. Велела вручить тебе после школы, такой меж нами был уговор.

В ожидании реабилитации мама действительно в течение нескольких лет откладывала деньги из каждой получки на отъезд в Литву. Вот, значит, куда они делись. То есть не делись – дядя Паша сберег… Будто маминым эхом повеяло.

– Ой, спасибо!

– Не за что, – улыбнулся он.

Иза убрала сверток в сумочку на ремешке.

Эту франтовскую сумочку тисненой лакированной кожи цвета беж подарила ей воспитательница с «лермонтовским» именем Бэла. Детдомовцы ласково называли Бэлу Юрьевну Белочкой. Бывшая балерина, она вела танцевальный кружок, а Иза считалась в нем «примой». Бэла Юрьевна пыталась выхлопотать в якутском Министерстве культуры денежную помощь своей любимице, но не получилось.

– А я-то ломала голову, как пособие распределить, чтобы дожить до стипендии!

– На стипендию, Изочка, не разживешься. Это ж гроши, а Москва – затейница, дразнит, как в праздник. Прости, что долго тянул с маминой заначкой. Вспомнил о ней вчера – ба-а, думаю, совсем черепок замкнуло! Еле нашел. Ты там не нищенствуй, извещай по нужде. Не стесняйся, я всегда сколько-нибудь вышлю.

Иза прижала ладони к разгоряченным щекам. За шесть лет она потратила кучу его денег. Дядя Паша шефствовал над подсобным детдомовским хозяйством, его ветеринарная станция помогла отстоять коров, когда горсовет по распоряжению правительства велел ликвидировать скот в пригороде. Дядя Паша покупал нужные мелочи не одной Изе, всем в ее комнате, и валенки подшивал всем.

– Это вы меня простите, Павел Пудович! Я упрекнула вас в первую зиму…

Иза не договорила. Знала – он помнит.

– Эх, Изочка, что твой упрек! Сам себе ни в жисть не прощу. Чего стыдился, чьих пересудов? В драных ботинках ходила Мария… Мог я, мог валенки раздобыть! Уговорить не сумел. А не послушайся я ее, не отступись – не упала б в мороз, не заболела бы, жила твоя мама. Жила!.. И я бы с бутылкой завязал… может.

Дядя Паша резко отвернулся и в который раз протер носовым платком совершенно чистое стекло фотографии.

– Прости, Изочка, не придется тебя проводить, на неделю в командировку посылают. Наталью с Матреной не забудь проведать.

Глава 2

Соседки

С тех пор как горсоветская машина увезла Изочку в гомон и сутолоку коллективного сиротства, она не видела улицу Карла Байкалова. Только во сне. К прошлому тяжело было возвращаться, но в общежитии Изу ждали бывшие соседки, мамины почти-подруги.

Она шагала по хоженной тысячи раз тропе вдоль зыбких заборов, заляпанных ошметками подсохшей грязи. Сдерживая позывы отвести руками невидимых птах памяти, шла мимо хронической лужи с гусаком водоколонки, по-лебединому круто выгнувшим шею, мимо желтого прицепа с квасом у магазинского крыльца. Памятные мгновенья слетались к глазам из деревьев, лавочек, калиток непрошено, густо, до трудности дыхания. Все, что ни попадалось на пути знакомого, напоминало о днях радости встречать маму с работы, целовать ее и разговаривать с ней. Томительная, смятенная, но светлая боль разливалась в груди… значит, и такой противоречивой бывает боль.

Возле Гришкиного барака с просевшей крышей Иза пробежала не глядя. Она в очередной раз была сердита на Гришку и теперь мстительно торопила разлуку. Застопорилась у двора известного доносчика Скворыхина, с редкой сплоченностью ненавидимого всей улицей. Исчез глухой забор с надписью «Злая собака», на месте мазанки бурлило активное строительство… А общежитие

постарело. Косые дожди исполосовали бревна испитой временем заваркой раскрошенного мха. Вместо сломленной вьюгой рябинки под окном светелки, в которой так счастливы были вдвоем Мария с Изочкой, хозяйски разбросался тальниковый куст. Богатырский амбар, сложенный до революции ссыльными скопцами из литых карбасных плах, превратился в летний флигель. Дырки от шкантов кто-то аккуратно заткнул березовыми чопами, в слепых стенах прорезались окна. Только в стрехах, как раньше, чирикали над гнездами воробьи…

Коридор общежития благоухал знаменитой на всю округу сдобой тети Матрены. Она работала поваром в столовой рыбного треста, где трудилось большинство здешних жильцов, а в выходные дни пекла румяные пироги во «всехной» кухне. Звание «всехная», данное кухне Изочкой, в полной мере оправдывал щедрый противень, полный овсяных калачей, шанег и булочек, хрустких в изломе над огнедышащим мякишем. Пока стряпуха шествовала к своей двери, большая половина выпечки исчезала в прокуренных дебрях холостяцких камор. Нынче же тетя Матрена почти все сготовленное уносила Мишиной семье. Сын женился, жил отдельно и сам успел обзавестись двумя сыновьями. Но одна мать не осталась.

О загадочном Ван Ваныче, технологе рыбтреста и тонком ценителе аппетитного искусства тети Матрены, Изочка была наслышана из разговоров взрослых в той же кухне. Хлебосольное очарование поварихи неуклонно подвигало бобыля к женитьбе, но, пока он колебался, сам все и испортил. Собираясь отобедать глазуньей в шкварках, Ван Ваныч в присутствии соседа Скворыхина опрометчиво подложил под сковороду газету «Правда». Прокопченное дно ровнехонько припечаталось к портрету вождя на передовице. Скворыхин немедленно подал сигнал в соответственную контору, и Ван Ваныч в одночасье попал из добропорядочных граждан в политические преступники. Ни портрет, ни злополучная сковорода, ни даже «Правда» в обвинении не фигурировали. Технолога осудили за умышленное действие с провокационной целью ослабить власть правительства. Гурман честно оттрубил определенные судом годы с миской баланды в обед на свежем воздухе лесоповала. Вернулся в общежитие тощий, сирый – некуда было возвращаться, комнату трест давно отдал дяде Паше по договоренности с ветстанцией. Они познакомились, разговорились. Пожив у нового приятеля с недельку, Ван Ваныч восстановился на работе и без волынки предложил незабвенной пассии руку и сердце.

«А нечего одному при госте чревоугодничать, пусть он хоть просто за солью зашел, – рассуждал дядя Паша из назидательных, как Иза подозревала, побуждений. – Пригласи Ван Ваныч Скворыхина к столу, ничего бы, может, не произошло. Ведь откуда у доносов ноги растут? Они растут из зависти. Зависть обиду и злость точит: отчего, мол, я кого-то не хуже, а хуже живу, кушаю, одеваюсь? Отчего одним – всё, другим – шиш на постном масле? Обида и злость повожают к мести, а лучшая месть – донос. Власть сама кляузы поощряет и праведности им придает, чтоб стукачи меньше совестью маялись. Органам так легче выявлять и наказывать виноватых. И невиновных гребут под сурдинку: вдруг да в чем-то грешны? Зависть, Изочка, как снежный ком, всякую пакость тянет за собой из человека. Подальше держись от завистливых и сама никому не завидуй».

Возникнув в проеме кухонной двери, Иза прервала беседу соседок. Два голоса заполошно вскрикнули в унисон:

– Изочка!

Пухлые руки и фартук тети Матрены привычно и сытно дышали дрожжевым тестом. Кофта Натальи Фридриховны, как всегда, издавала железистый запах газетной краски: муж работал в типографии. Свинцовый дух высокой печати в их комнате не в силах были вывести ни сквозняк, ни можжевеловые веники против моли.

Постояли молча, обнявшись, и тетя Матрена промокнула фартуком влажные щеки:

– Ждали, ждали тебя. Неужто, думали, не попрощаешься? Пал Пудыч сообчил – завтра отчалишь на пароходе. Шаньги твои любимые постряпала, садись, миленька моя, чаевничать будем.

На столе по-простому, в радушном противне, возвышалась гора смуглых шанег, увенчанных картофельными ермолками с золотой корочкой. Вспушенное розовым воздухом облачко кёрчэха[1 - Кёрчэх – якутское блюдо, сливки с добавлением ягод или варенья, взбитые в пышную массу.] подрагивало в миске, сбоку скромно притулилась начатая коробка шоколадных конфет, тронутых по краям сединой лежалости, – должно быть, оставшийся с Нового года вклад в чаепитие запасливой Натальи Фридриховны. Нагнувшись, она хлопнула крышкой

подполья и водрузила на стол бутылку «Столичной»:

– Марию помянем.

Соседки делились новостями разной степени свежести и ценности, вспоминали тех, кому посчастливилось переселиться из ближних бараков в квартиры, а кто ушел в мир иной. Скворыхин, мир его злой душе, преставился осенью, отца Гришки-Морехода недавно хватил инсульт… ну, хоть не помер, лежит. Врачи утешают – может, оклемается.

Наверное, Гришка не пожелал уведомить Изу о домашнем несчастье, чтобы не портить ей выпускное торжество. Сразу стал понятен его обидный побег с танцев, и сердце затопила жалость. А женщины уже рассказывали, что сосед Петр Яковлевич вернулся в Егорьевск к покинутой семье.

– От Москвы-то Егорьевск, грят, недалеко, – всхлипнула тетя Матрена. – Ежели доведется Петрушу встретить, привет передай от нас. Скажи, кажную погулянку чокаемся за его здоровье, не чихает пусть.

С тугих щек, как бы ни преображалось ее лицо от переменчивых чувств, не сходили универсальные слезы печали, умиления и смеха. А на бледном лице Натальи Фридриховны застыло снисходительное выражение человека, подуставшего от житейской бестолковщины, но в голубых глазах со спокойным холодноватым блеском, Иза знала, тлел глубокий огонь.

…Много открытий принес Изочке день мрачной музыки, прореженной эпохальным голосом Левитана. Колотясь головой о стол, рыдала в кухне до краев налитая всенародным горем тетя Матрена. Мама утешала ее и сама раскраснелась, мочки ушей полыхали так, будто их только что кто-то драл. Ни дядя Паша, ни Петр Яковлевич не вышли за вечер из своих комнат. Когда радио умолкло и дом погрузился в пронзительную тишину, к Марии явилась Наталья Фридриховна. Две бутылки вина прижимала она к груди правой рукой; левой, брезгливо оттопырив пальцы, держала на весу книгу с портретом на алой обложке. Изочка притворилась спящей и всю ночь слушала историю чужой искалеченной жизни. Под утро Наталья Фридриховна подсела к печи. В сумасшедших глазах метались кроваво-голубые сполохи, нервные пальцы медленно рвали один за другим листы алой книги. Страницы взлетали и вспыхивали в знойном печном зеве, как мотыльки над свечой. Потрясенная

Изочка вдруг поняла, что не в мирных углях очага и не книгу казнила бывшая зэчка. Клеймом свирепого ликования, каленным в придушенной боли, выжигала она в себе язву застарелой ненависти. Последней в топку полетела обложка со снимком усатого человека. Портрет попал в перекрестный огонь глаз и печи и не мог не сгореть, хотя казался вечным. Вначале картон запылал с исподу знаменем, вздутым мощной тягой трубы, потом пламя опробовало снимок, лизнуло жадно раз, другой… Усатый мгновенно съежился, скорчил злую гримасу, почернел, смялся… облез… рассыпался прахом.

Изочка в том году пошла в первый класс. Наугад открыв выданный в библиотеке букварь, она замерла в ужасе: внимательно и недобро глянула на нее ожившая фотография…

О, этот неоднозначный портрет из газетных передовиц! Он не старел, не худел, не поправлялся, не менял прически. Независимо от деловитого или благодушного настроения он всегда был чем-то одухотворен. Его анфас и профили украшали стены общественных зданий внутри и снаружи. Гений во всех областях, кормчий и зодчий, он выпячивал отеческую грудь на фронтоне обкома, увеличенный многократно, но однажды утром исчез из города, как дурной сон.

Соседки по-разному относились к человеку с портрета и к происходящему в стране. Они были разными во всем: в представлениях о людях и мире, в характере, интеллекте, внешности. Тетя Матрена шустрая, пышная, со сдобными ямочками на облитых загаром локотках – сама шанежка; Наталья Фридриховна долговязая и худая, как изъезженная кляча, с тяжким бременем крупных рабочих рук и неожиданно вельможным, изящного рисунка лицом. Тарапунька и Штепсель… Что могло сблизить столь несхожих женщин? «Жизнь», – удовлетворилась Иза обтекаемым объяснением, догадываясь, что ответ кроется глубже и еще недоступен ей из-за малого опыта той же жизни.

Задушевно тренькнуло граненое стекло рюмок.

– За твой успех в учебе, миленька моя.

– С твоими способностями, Изочка, тут делать нечего, в Москве надо зацепиться.

– Москва-а, – неопределенно качнула головой захмелевшая тетя Матрена. – Народу – тучи! Пал Пудыч складно про Москву грит. Будто с подъебкой, – и

взвизгнула: – Что ты щипаешься-то, Наталья?! Ой-ей, больно же!

– Прекратите, Матрена Алексеевна… при девочке…

Выпучив голубичные глазки, тетя Матрена шлепнула себя по губам:

– Осподи прости! Я сматерилась, кажись?

– Помянули, хватит, – прошипела Наталья Фридриховна и демонстративно вогнала кулаком в бутылку заранее приготовленный березовый шпенек.

– Во! – возбужденно закричала тетя Матрена.

– Чего – во? Обратно положу, – откликнулась соседка, клонясь к крышке подполья.

– Вспомнила! «Звон-город – злой норов» – во как Пал Пудыч про Москву грит!

– Злой норов? – удивилась Иза.

Наталья Фридриховна выпрямилась, пригладила вставшие дыбом волосы:

– Горазд Никитин на прибаутки, а вам, Матрена Алексеевна, грешно чужие глупости повторять. Не слушай ее, Изочка, и не бойся. Москва – великая, многолюдная, за тридевять земель от нас, потому кажется опасной, но ведь на то и столица. Ты юная, нрав у самой пока лепной, привыкнешь.

– А я что грю? – торопливо согласилась тетя Матрена. – Я и грю: от своего норову все зависит, а Изочка у нас скромница!

– Да, слава богу, слава богу, – закивала Наталья Фридриховна, и обе перекрестились.

«Вот кто их объединил», – сообразила Иза.

– Езжай, не дрейфь! Верь в лучшее, и зло не пристанет. А мы молиться за тебя будем и за могилкой Марии последим.

– Мы к ей нонче ходили в День поминовения, – скорбно вздохнула тетя Матрена, снова пуская слезу. – Вчетвером, с Ван Ванычем… Я за блины отвечала, Наталья – за кисель, Пал Пудыч «беленькую» взял…

– И не одну.

– Впрямь лишку стал Паша закладывать…

– И не один…

На щеках тети Матрены ярко выступил яблочный глянец, созревший в градусном поливе:

– Что ты, Наталья, заладила-то, перед дитем срамишь? Мы ж по знаменательным датам тока!

Иза отдала зимние вещи для Мишиной жены. Взамен получила роскошный пуховый свитер, связанный тетей Матреной (никто не догадается!) из собачьих оческов. Наталья Фридриховна подарила матерчатый, серый в зеленую клетку чемодан с никелированными защелками. В магазинах такие не продавались, купила на барахолке у спекулянтов. «Для меня», – растрогалась Иза.

Улучив подходящее время, она тихонько выскользнула за дверь, чтобы избежать бури прощальных слез. Соседки слаженно тянули в два голоса «Подмосковные вечера». Из полуоткрытого подполья несло грибной прохладой, на крышке валялся березовый шпенек.

Глава 3

«Заклятый» друг

Гришка примчался на пристань за несколько минут до подачи трапа. Приминая рукой жесткий, как ершовый плавник, вихор, выдохнул:

– Здорово, Журавленок!

– Привет, – бесцветно отозвалась Иза. Подумала: спросить об отце или вообще не стоит разговаривать? Мог же объяснить, что дома неприятности, а то смылся с праздничного вечера в самый нужный момент.

– Осенью тоже отшвартуюсь!

– Куда?

– В армию. Повестку получил из военкомата. Отслужу, отучусь в институте и – на море!

Он не изменил детской мечте стать капитаном дальнего плавания. Еще в школе собирался сбежать из дома из-за пьяных скандалов отца и попроситься юнгой на какое-нибудь судно, но не смог бросить братишку. Тот души не чаял в старшем брате.

Гришка впервые повздорил с домашним мучителем после смерти Марии, которую любил нерастраченной сыновней любовью, и сразу как-то окреп характером. Нынешние семейные тяготы наверняка полностью легли на Гришкины плечи.

– Мореход, – хмыкнула Иза, а на языке вертелось: «Хвастун».

– Под старость сюда вернусь.

На вечере они уже обсуждали будущую старость – просто так, от радости жизни. Гришка на полном серьезе уверял, что ученые приблизились к изобретению эликсира вечной молодости. С помощью этого средства каждый будто бы останется здоровым и энергичным до тех пор, пока не устанет от собственной древности. Изе не верилось в старость и трудно представлялась усталость от жизни. Разве могут надоесть лето, солнце, лес, весь мир?! Ей бы никогда не наскучили. А Гришка планировал жить минимум тысячу лет, если успеет

заглянуть во все существующие уголки Земли. Поэтому Иза теперь спросила, стараясь вложить в голос побольше металла:

– Через тысячу лет вернешься?

Он засмеялся:

– Может, на год раньше! А ты?

– Какая тебе разница? Мы больше не встретимся.

Гришка уставился на белоснежный колесный двухпалубник, словно в первый раз увидел сто раз изученный такелаж. Россыпь рыжих звезд на носу и щеках слилась в зарю поперек лица, потемнели глаза-сердолики, обведенные золотым ободком. Изе, как в детстве, захотелось хорошенько треснуть онемевшего приятеля кулаком по спине. Вот так же он замолчал посреди танца и болтовни о грядущем бессмертии. Веселое настроение подначивало Изу раскинуть руки и обнять всех выпускников и воспитателей, отчебучить напоследок что-нибудь шебутное – пусть бы ахнули! Сердце замирало от невнятных ожиданий, а гость – оглянуться не успела – исчез. Ох, и ругала же Иза себя за то, что позвала этого обормота! Лучше бы пригласила одноклассника Эдика. Тот хотя бы старался быть вежливым, и она ему нравилась. Вечер – насмарку, ушла и плакала одна в комнате, пока не уснула. А девчонки гуляли с ребятами почти до утра…

– Отца инсультом разбило, – глухо сказал Гришка, будто прочел мысли в забывчивой Изиной голове. – Я тебя огорчать не хотел, а надо было домой. Извини.

Грянула маршевая музыка, загромыхало железо – пароход начал готовиться к отплытию. Свесив голову над сетчатой перегородкой верхней палубы, человек в черном кителе что-то скомандовал возящимся внизу матросам. Гришка сунул в ладонь подружке свернутый треугольником тетрадный листок и побежал к взгорью смотреть, как старый колесник повезет ее к чужой земле. Целеустремленная толпа вобрала в себя Изу вместе с чемоданом, паникой, переживаниями, потащила по шаткому мостику в новую жизнь…

Когда прощальный гудок угас в рваном ветре, с береговой насыпи донесся отчаянный крик:

– Журавлено-ок! Попутного ветра!

– И тебе удачи, Мореход.

Гришка, конечно, не услышал, Иза утвердила прощание для себя. Он махал обеими руками, становясь все меньше и меньше. Превратился в подростка, точно судно плыло не по реке, а по времени вспять, в огольца… шпингалета… и расстояние загасило спичечный огонек волос. Иза с невольным облегчением достала записку из кармана юбки. Треугольник был многообещающе толстым, а слов в нем оказалось всего четыре: «Журавленок! Я люблю тебя».

Расплывчато-ломаная гряда города, превратившись в пеструю полоску, растворилась в знойной дымке. Пологий песчаный берег сменили искромсанные ледоходом козырьки лохматого обрыва. Если пуститься отсюда напрямик через Зеленый луг, можно выйти к совхозному огороду. Возле него Изочка, еще дошкольница, обнаружила под шиповниковым кустом диковинного кукленыша. Он напоминал всамделишного человечка, только темный хвостик, как сморщенная подмороженная морковка, торчал у него на месте пупка. Увидев странного голыша, соседи закричали, мама шлепнула Изочку – непонятно, за какую провинность, и это было обиднее всего. Позже Гришка пояснил, что Изочка приняла за игрушку подземного гнома. Гном якобы вылезал на поверхность земли поедать без спросу совхозные овощи. «Аборт Подпольный», – назвал имя вредителя участковый милиционер. «Детеныш нибелунгов!» – изумилась Изочка. Мама часто рассказывала ей любимую папину сказку о волшебном кольце гномов[2 - «Кольцо нибелунга» – оперная тетралогия Р. Вагнера, основанная на скандинавских и древнегерманских сагах.], жителей мрачных подземелий.

Куклы у Изочки не было, и нибелунга отняли. Она рыдала, жалея бедного малыша и себя. А на следующий день дядя Паша, умелец мастерить деревянные поделки, подарил ей берестяную куклу. Веселая Аленушка в нарядном сарафане, с яркой лентой в косе, стала Изочкиной утешительницей и стражем секретов. Ого-кут[3 - Ого-кут – детская душа (якутск).] Изы подремывала в чемодане. Тоже ехала в Москву.

Истинная тайна кукленыша прояснилась в детдоме наряду с загадкой двухголового чудища. Изочка собирала лук для мамы на Зеленом лугу и нечаянно подсмотрела забавы лесного страшилы под тальниками. Не сразу

разглядела в тени, что это не одно существо, а двое – мужчина и женщина. Обнаженные, распаренные удивительной игрой, Изочке неизвестной, они слаженно подпрыгивали, сидя в крепкой спайке на ворохе прошлогоднего сена. Не увидели Изочку, да и ничего вокруг не видели – так были увлечены. Женщина ворковала и постанывала, как горлинка. Изочка долго не могла понять, что они делали. Бойкая девочка Полина Удверина растолковала ей безобразные подробности взрослого мира. Оказалось, после таких игр и рождаются «кукленыши». Оснований не верить Полине Изочка не нашла. Все, напротив, сходилось, неясные подозрения подтверждались самым гнусным образом. Она решила никогда не выходить замуж и сурово держалась зарока до выпускного вечера.

На вечере под потолком зала главного корпуса вращался старый глобус, оклеенный осколками битого зеркала. Вокруг рябил, переливался, туманными искрами вспыхивал воздух скорых перемен. Сильные руки Гришки обнимали Изу так бережно, что она казалась себе хрустальной вазой. Позабыла о ссорах, перестала замечать даже дурацкие Гришкины конопушки. Впрочем, как обычно, когда он волновался, их закрасил ровный румянец. Мужественный капитан летел с нею в вальсе сквозь штормы, кораллы и рифы, на продубленном розой ветров лице сияли сердоликовые очи… и от взрывного кружения Иза раздвоилась. Одна ее половина еле сдерживала блажь выскочить в середку зала и сплясать лихую цыганочку, из-за стыдных мыслей второй твердели соски и сладко ёкало в низу живота. В глазах мелькало двухголовое существо с Зеленого луга. Оно было прекрасно. Мужчина и женщина.

В эту минуту Иза согласилась бы отправиться с Мореходом на край света. Она приготовилась верно ждать его на берегу столько времени, сколько нужно мужчине, чтобы, приустав от моря, вернуться на день-два к своей женщине. Мечтала после вечера поцеловаться с ним, как ее тезка, актриса Изольда Извицкая, целовалась на Аральском море с синеглазым поручиком Говорухой-Отроком. То есть Марютка из фильма «Сорок первый». А Гришка ушел… Удрал! Чурбан бесчувственный. Ну и что – отец слег. Пока был здоров, колотил нещадно, пьяный гонял семью по всей улице, и вдруг – отец, отец…

Иза склонилась над бортом, подставила прохладным брызгам пылающее досадой лицо. Откуда ей знать, какими бывают отцы и за что их любят. Строптиво тряхнула головой: а все равно! Все равно! Поздно ты спохватился, «заклятый» друг детства. В жизни твоего Журавленка не осталось места капитанам дальнего плавания. Развязался морской узел неровной дружбы.

Никто больше не помешает Изе жить спокойно, не обидит походя, не доведет до белого каления дразнилками и молчанием. Журавленком не назовет… Обет не выходить замуж сохранился в силе.

Клочья признания в любви закружились в нарастающем ветре. Миг – и глупых бабочек поглотила пенная колея за кормой.

Глава 4

За тридевять земель

Пароход шел споро, не волок, как другие суда, караваны барж и плашкоутов – работал исключительно на пассажирской линии. Он был очень красив снаружи, а внутри еще красивее. От интерьера верхних этажей веяло неизжитым духом буржуазной респектабельности – бронзовое литье, рельефный линкруст на закругленных потолках, стеклянно-гладкая полировка дубовых панелей. Зеркальные стены раздвигали воздух салонов с обещанием музыки и танцев. Иза представить не могла, какой роскошью может отличаться люкс, если и четырехместная каюта в трюме казалась ей верхом корабельного комфорта.

Совсем недавно списали последние дореволюционные «лаптежники» класса «река – море» на дровяном ходу, с предусмотренными внизу помещениями для перевозки каторжан и переселенцев. Беспечные пассажиры наверху не всегда знали, что из трюма раздается не только машинный стук. На одном из таких пароходов родители Изы после алтайской ссылки были доставлены на мыс моря Лаптевых. По окончании войны их переселили в «кирпичный» поселок, чьи серые крыши уже во-он – высунулись, замаячили, как буденовки, на берегу. Здесь Мария Готлиб (урожденная Митрохина, дочь консульского служащего в Мемеле) – выпускница виленской Русской гимназии, и Хаим Готлиб, получивший лейпцигское университетское образование, отбывали повинность ТФТ[4 - ТФТ – тяжелый физический труд. Рекомендация ТФТ стояла на справке спецпоселенца – документе, выдаваемом спецотделом МВД представителю «социально опасного контингента» вместо паспорта.] на кирпичном заводе. Третья по счету ссылка стала завершающей для Хаима. Семнадцать лет назад в ночную смену он погиб у муфельной печи, задавленный горячими кирпичами. На следующий день счастливый отец собирался забрать из больницы жену и новорожденную дочь.

По желанию отца она была названа Изольдой в честь героини оперы Рихарда Вагнера. Хаим Готлиб восхищался гением создателя симфонической драмы. Великая музыка никак не совмещалась в его глазах с всенародной ненавистью к Гитлеру, страстному поклоннику творчества композитора.

«Твой папа считал, что никто лучше Вагнера не воспел любовь и героическое благородство, – рассказывала об отце мама. – Мы голодали и мерзли в нашей юрте на мысе, а Хаим пытался изобразить оркестр «Кольца» с помощью голоса и жестяных банок. Веришь ли… получалось чудесно! Мы угадывали в звуках радугу Вальхаллы… В тенях нам мерещились морские девы, пророчицы норны у вещего источника Иггдрасиль, огоньки факелов в подземелье нибелунгов… И становилось легче. Многие считали Хаима замкнутым, высокомерным. А он был просто романтиком, Изочка, таких людей на земле единицы. Только свои («своими» мама называла соседей по юрте) знали, какой он веселый… и гордый! Не горделивый, а по-настоящему гордый. Ничто не могло согнуть его, потому что Хаим не ведал страха. Твой отец любил жизнь светло…»

Изочку завораживали имена в иноземных сказаниях: Зигфрид, Брунгильда, Тристан. Крутясь перед зеркалом, она воображала себя прекрасной принцессой Изольдой. Но, увы, по наследству от папы Изочке достались нос с легкой горбинкой и вьющиеся волосы, черные с мягким каштановым отливом. «Как соболий мех с искрой», – говорила мама, расчесывая их на ночь… Ничего общего с белокурой исландской принцессой. Ну, разве что глаза – синие, «мамины».

В мыслях Изы часто всплывала смутная картинка из младенчества: на столе горит керосиновая лампа, чайный свет скопился между столешницей и стеной у тахты, мама поет песню о русалке Юрате. Лежа на маминых руках, Изочка разглядывает янтарные бусы, четко очерченный овал подбородка, невысокие скулы с плавным переходом света в височную тень; в искрасна-золотых волосах видны проблески серебра. Из коридора доносятся чьи-то грубые голоса, лицо мамы вскидывается к двери, и трепет ресниц расплескивает тревожную лазурь.

Мамины глаза были цвета полуденного моря с сумеречной синевой в глубине. А синь Изиных глаз отсвечивала то фиолетом, то внутренней зеленцой, будто краску для них взяли в изменчивой акварели предрассветной реки. Солнечный цыганенок Басиль, возвращения которого Изочка напрасно ждала каждую навигацию, сказал единственным летом их встречи: «Твои глаза как сапфир». Мальчик был кем-то научен разбираться в драгоценных камнях.

В молодости маму находили вылитой Гретой Гарбо. Испытывая отвращение к назойливому любопытству, мама боялась постороннего внимания к себе и дочке. Майис предостерегала по-своему: «Река чиста и доверчива, огокком[5 - Огокком – дитятко мое (якутск). Буква «м» придает слову «огокко» (дитя) более нежный и собственнический оттенок.]. Не подходи к тому, кто смотрит пристально». По ее мнению, к ребенку с небесно-речными глазами сильнее могла прилипнуть смола недобрых чужих дум. У якутов не принято любоваться детьми на людях и говорить прямо о красоте чьих-то глаз.

Иза до сих пор затруднялась определить, кем приходилась ей Майис. Больше, чем нянькой… но ведь и не матерью. Мысленно Иза называла ее по-якутски – матушкой-ийэ[6 - Ийэ – мать, мама (якутск.).]. Сердце плакало по маме и матушке одинаково.

После родов у мамы не оказалось молока. Майис кормила сына Сэмэнчика и «молочную» дочь. Пока мама сутками работала на заводе, Изочка росла в якутской семье и, чтобы никого не обидеть, звала обеих женщин по именам. По удивительному совпадению Мария и Майис очень походили друг на друга – были почти одного роста и сложения, и в чертах лиц, при всех расовых отличиях, улавливалось необъяснимое родство. Нередко их принимали за сестер. Впоследствии стало понятно, что сходство не только внешнее. Мария, с ее утонченным воспитанием в образцовой гимназии и знанием нескольких европейских языков, обнаружила, что Майис, невежественная на первый взгляд, равна ей по интеллекту. Просто этот интеллект имел иное, не академическое, а природное свойство. Мария научила Майис русскому языку и во многом восполнила образовательный пробел «сестры».

Мягкая побежка волн оживляла в памяти Изы колыханье платья кормилицы, шитого из синей китайской дабы. Беспредельны хлопоты в крестьянском дворе, в кажущейся незатейливости выскобленной добела юрты. По заказу городских модниц Майис вышивала бисером на вставках унтов таежные арабески, составленные из звериных и птичьих следов. Сноровистые руки с удивительной достоверностью воспроизводили ломаные линии горных отрогов и узоры снежных ветвей. В тайге Майис знала множество богатых клюквенных распадков и земляничников, показывала Изочке нахоженные к лакомой ягоде заячьи тропы в россыпях помета и оттисках лисьих, удачного нарыска, лап. Гораздо позже Иза поняла, что в матушке Майис жил подлинный художественный дар.

Муж Майис Степан слыл лучшим в районе кузнецом. Странное сходство жены с Марией он приписывал рассеянности небесного мастера. Шутил: заработался де Творец в облаках и невзначай отлил двоих из одной формы, как серьги. Дядя Степан сладил женщинам по паре длинных серег из серебряной ложки. Она была последней из гарнитура столового серебра, некогда подаренного Марии сестренкой Хаима Сарой.

Чеканные подвески спускались с зацепок «елочкой» едва ль не до плеч. Такие серьги, пояснила Майис, вручают детным женщинам с пожеланием счастья в доме, а девушкам носить не положено. Если Изе не суждено выйти замуж, незачем будет прокалывать мочки ушей для маминого украшения. Серьги лежали в шкатулке с кулоном, где раньше хранились и желтые янтарные бусы. Папа Хаим сам нашел камешки янтаря на берегу Балтийского моря, отшлифовал их и подарил Марии… Теперь они покоились в земле вместе с ней.

Березовая роща спрятала кровли примыкающего к заводскому поселку колхоза. Не видно было ни красивого дома Васильевых, ни кузни дяди Степана под горой.

В новом доме семья прожила недолго. Кузнец выследил в заповедном лесу незаконных лесорубов, и они его убили. Расследование завершилось быстро, но уже после того, как Майис в поисках мужа бесследно пропала в тайге. Родственники забрали Сэмэнчика в Верхоянье, с тех пор Готлибы о нем не слышали. Иза все еще не верила в гибель Майис…

Матерый сосняк подпирал бирюзовую юрту небес на вершине горного кряжа, обжигая саднящую память жаркой медью прямых стволов. По этим горам, в обход большого озера, матушка Майис водила детей за черной смородиной. Однажды они вышли на варварски искромсанный участок тайги. Торопливые вальщики без счета порубили строевые сосны. Не все лесины поместились на тракторную волокушу, много их валялось среди ворохов умирающих крон. Майис пела печальную молитву, просила мать-тайгу простить человеческий мир за алчность отдельных людей. Янтарная кровь на пнях погубленного леса крепко запала Изочке в душу. Иза была уверена, что те же нелюди расправились с дядей Степаном несколько лет спустя.

Предгорье охватывали знакомые опояски темного хвойника с пестрыми каймами смешанных перелесков. Там росли ажурные от солнца березы и зябкие осинки с копеечной листвой. Мама собирала под осинами грибы с мясистыми красными шляпками, тотчас чернеющие на срезе. Изочка соглашалась есть жаренные с

картошкой подосиновики, а от скользких, как мыло, соленых груздей отказывалась наотрез. Сама же, привычная к якутской пище, удивлялась, почему Марии не нравятся суп с коровьими потрохами и белая колбаса субай из жеребячьих кишок, вкуснее которой вообще ничего нет…

Долина стелилась бархатными скатертями колхозных пашен со смежными отрезками сенокосных угодий. Зазеленел широкий луг, принадлежавший Васильевым, с круглым озерком посередке и обновленным летником. Кому-то отдали бесхозное место…

У перепутья все так же возвышалось шаманское дерево. Не лиственница, как полагается у шаманов, а почему-то сосна. Наверное, это дерево просто для памяти. Старую сосну украшали плетеные волосяные шнуры с лентами и прядками из лошадиных грив. Прохожие обязательно «угощают» шаман-дерево чем-нибудь вкусным или преподносят ему небольшой подарок. Подножие завалено всякой карманной мелочью – вышитыми табачными кисетами, медяками, пуговицами… Иза встрепенулась: привиделось, что кто-то махнул то ли платочком голубым, то ли лентой. О, да это же она сама давным-давно привязала к шнуру атласную ленту из косицы в подарок сосне!

Беззаботное детство Изочки, еще не знающее потерь и смертей, махало на ветру выцветшей голубой ленточкой вдогонку Изе. До нее вдруг с беспощадной остротой дошло, что она никогда больше не прибежит сюда по горячей пыльной тропе, не прижмется ухом к сосновому стволу, чтобы послушать, как гудит под смолистой корой сердцевина, окруженная кольцами лет.

Алас[7 - Алас – луговая пойма, удобная для сенокоса и выпаса скота (якутск).] матушки Майис, налитый соком быстротечного лета, проплывал мимо. Невозможно было остановить наступательное течение волн, бесконечный их бег, хрустальный плеск. Пальцы сжали в ладони куриного бога. Крапчатый, как яичко дрозда-рябинника, сердолик висел под воротом блузки на кожаном шнурке. Волны с ювелирным тщанием отполировали голыш песком, проточили в нем отверстие для шнурка. Сын Майис Сэмэнчик подарил этот камешек Изочке в день ее переезда с мамой в город…

В румяный закатный час из вспоротой гущи леса взмыли Ленские Столбы. Причудливо вырубленные скалы, высоты невероятной, заставляли зрителей ахать и запрокидывать головы. Облитые солнцем утесы – гигантские воины в островерхих шлемах и пластинчатых латах – в оцепенелом изумлении

всматривались в водяных двойников.

Иза помнила рассказанную Майис легенду о том, как богатыри съехались со всей тайги на зов юной Лены посостязаться за ее благосклонность. Сотни женихов явились, и девица пришла в волнение, а когда успокоилась водная гладь, огромное воинство узрело перед собой точно такую же армию. Броситься бы противникам в битву, но выяснилось, что великаны успели окаменеть в том виде, в каком застала их ослепительная красота невесты. На сотни километров растянулись по правую руку, а иногда по обоим берегам монолитные конницы, разрозненные ватаги либо пара-тройка витязей – неразлучные товарищи и смертельные соперники. За миллионы лет пластины брони взялись охристой ржавью, превратились в обглоданный ветрами известняк. Кое-где за вершины и наметенный суглинок арочных переходов зацепились деревья. Темнели косматые, черные против огненного заката. Сонную розовую тишину нарушали пронзительными вскриками только стрижи. Тайга мрачнела, небо оставалось опаловым, цвета молочного пара над вечерним подойником. Лунные мостки зыбко покачивались в воде. Едва начинал золотиться восток, из-за горной цепи выкатывалась раскаленная гривна солнца. Дядя Степан говорил, что кузнецы льют красную медь ночью, когда ее строптивые рудные духи покладисты…

Спозаранку Иза поднималась на верхнюю палубу по ковровой, без единой морщинки, лестнице. Под каждой ступенью зеленую дорожку натягивали покрытые блестящим никелем прутья. Отражение желтой блузки весело скакало по ним песочным ручьем. Ветер на палубе приятно дул в ресницы, Иза читала ему наизусть отрывки чеховских пьес или просто сидела – слушала песни реки. Бабушка Лена знала все ее секреты. В песнях перетекали один в другой голоса Марии и матушки Майис, журчала свирель цыганенка Басиля, звенел майский ливень, рухнувший когда-то в день драки с Гришкой… Река пела алгыс[8 - Алгыс – благословляющая песнь, молитва (якутск).], благословляя уходящую внучку на любовь к миру и равновесие с ним.

Попутчиков Иза сторонилась и ни с кем не откровенничала. Свежо было в памяти наставление тети Матрены: «Не доверяйся никому, миленька моя! Гляди в оба: на пароходах-поездах полно жуликов, прикинутся добрыми и залезут в сумку или чемодан. Скрадут чего-нибудь – не заметишь…» Небольшой по габаритам чемодан оказался вместительным. Все имущество легло в него ловко, начиная с комплекта выпускного белья, заканчивая пушистым «собачьим» свитером. Мамины деньги, по совету соседок, были припрятаны надежно – в кармашки, пришитые к левой стороне трусов, а шкатулку и кошелек с расходными рублями-

копейками Иза втиснула в сумочку и не выпускала ее из рук.

Вручая сумочку, Бэла Юрьевна театрально взмахнула рукой и, как в чеховских «Трех сестрах», воскликнула: «В Москву, в Москву!» Да… а дядя Паша, если верить тете Матрене, отозвался о Москве неласково: «Звон город – злой норов». О чем это он, интересно?

Через две недели пароход подошел к пристани Осетрово. Иза в последний раз умыла лицо ленской водой. Хотелось отойти куда-нибудь в безлюдное место, побродить босиком с краю прилива и, может, поплакать, но транзитные спутники уже скрылись за береговым склоном. Оглядываясь в отчаянной спешке, – прощай, Лена! – она бросилась их догонять.

Плацкартный вагон переместил Изу в привычную коллективную жизнь. Пассажиры дулись в карты, унимали маленьких баловников и тщетно пытались вздорить с невозмутимой проводницей. Тяжкие запахи пота и туалетной хлорки путались в оконных занавесках с папиросным дымом из тамбура. Мимо неслись немыслимые просторы – леса дремучие, реки бегучие, горы непролазные. Иза мчалась в тридевятое царство за тридевять земель и всей кожей чувствовала, как увеличивается расстояние между ее прошлым и будущим. Безумолчный рельсовый ксилофон загадочно выстукивал: «По-жди, сказ-ка бу-дет впе-ре-ди».

Далеко остались якутские белые ночи, здесь к окнам до ужина льнули любопытные сумерки. Покупая у местных хозяек на станциях горячие пирожки с ливером и черемшой, Иза вспоминала поговорку дяди Паши: «Есть что в рот положить – вот и день прожит». Он знал уйму прибауток и редко повторялся. Состав отбивал разгонную чечетку, отдаляясь от кирпичных вокзалов, воздвигнутых по старинке с зубчатыми торцами, и снова бежали вспять тусклые деревеньки, снова вспыхивали и гасли поля жарков в непроницаемой гуще тайги.

Возле Свердловска поезд пересек границу Сибири. В этом городе училась Полина Удверина, певучая гордость детдома. Настороженная и самолюбивая, она проталкивалась по жизни локтями, кулаками и крепким словом. В Уральскую консерваторию Полина поступила два года назад. На письма отвечала редко. Некогда было, наверное, учеба, репетиции, концерты, то-се, и привычка к большому городу приходит не сразу. Иза старалась не думать, как сама она будет жить в огромной столице одна, без девочек, без дяди Паши и воспитателей. Без Гришки… А думала постоянно – с чувством нарастающего

смятения и тревоги.

Глава 5

Даже если люди не летают…

Приблизилась долгожданная Москва. Патриархальную живопись потеснила пчелиная графика глазастых коробок индустриального пригорода, вымахнули дымные трубы, и, наконец, завопил приветственный гудок. Иза приготовилась к многолюдью, но суматошные народные массы за барьером платформы все равно ошеломили ее. Словно половина страны кого-то встречала, провожала, куда-то ехала и толклась на перроне от нечего делать.

Бэла Юрьевна хорошо объяснила, где что находится, Иза сориентировалась сама, без чужой помощи. Влилась в бурливый ручей, освоилась и даже стала примечать в столпотворении разные дамские прически. Чаще всего встречались «бабетты» («вшивые домики»), запущенные в моду Брижит Бардо, и обесцвеченный «пергидроль» – длинные прямые волосы, как у Марины Влади в фильме о лесной дикарке. И зря Иза расстраивалась вчера из-за новой трикотажной юбки, доведенной плацкартой до преждевременной ветхости. Юбка, оказывается, устарела до своего приобретения. Москвички щеголяли в затянутых поясками «колоколах», цокая шпильками по асфальту, как лошади на плацу. Прав был дядя Паша: столичные барышни, конечно, не ходят зимой в валенках и простеганных ватой пальто из грубого сукна… Иза не понимала себя: осуждает она модниц, или ей все-таки нравится их вызывающий вид? Не успела устыдиться (не слишком ли много думает о внешности?), как тотчас обо всем забыла: перед глазами распахнулся самоцветный сказочный мир!

Маме о метрополитене рассказывал папа Хаим, ему до войны доводилось ездить в берлинских туннельных поездах. Но Изочка не слышала от мамы ничего подобного и была совсем не готова очутиться в подземелье Хозяйки Медной горы! Стены и полы станции сияли мрамором утренних тонов, сверху ярусами спадали хрустальные люстры, озаряя мозаику потолочных сводов. Чудесные картины представляли ключевые моменты истории, а история не стояла на месте – продолжалась демонстрацией мирных достижений! Подвижные лестницы бежали в земное чрево и обратно, расстилая под ноги железные

гармошки ступеней, поезда доставляли пассажиров, куда им нужно, по сложному витью путей в искусственных гротах. Казалось несправедливым, что люди платят сущие копейки за возможность ездить в метро и, не обращая внимания на его музейно-техническое великолепие, торопятся разойтись по галереям без всякого восхищения на лицах.

Обнаружилась лишь одна (кроме Изы) ценительница здешних красот. Задрав голову, посреди зала возвышалась деревенская девушка в платье ниже икр. И сама она, и все в ней было большое, яркое: румянец во всю щеку, восторг в серых глазах и уложенная пшеничным свяслом коса, а за плечами бугрился рюкзак размером с двухнедельного теленка. Иза еще на вокзале приметила, что провинциалов, непривычных к шуму и толчее, отличает общий налет неуверенности в себе, будто особенность какого-то отдельного народа, аж обидно. А в этой сельчанке никакого напряжения не наблюдалось, и возвращаться с потолка на землю она не спешила. Не смущали девушку гудящие толпы, обтекающие ее, как добавочную колонну.

Иза тоже была бы не прочь так постоять, но прибыл нужный поезд. Войдя в переполненный вагон, она едва подавила крик: к ней повернулся мужчина в темной маске, с ружьем за спиной! Фарфоровые белки глаз выпукло светились в прорезях – блэк энд уайт… Уф-ф, ничего страшного, обыкновенный негр. Хотя не совсем чернокожий, скорее, каурой масти, если это лошадиное определение применить в данном человеческом случае, а «ружье» оказалось фигурной тубой с каким-то музыкальным инструментом. Вспыхнули изумительно белые зубы, Иза улыбнулась в ответ, но африканец отвлекся… и жуткий вопль заглушил громыханье колес.

Кричала, конечно, не Иза. В несколько мгновений вместилось много всего. Протянув руку давешней сельчанке с рюкзаком, негр успел вовлечь ее в двери, когда механический голос предупреждал об их закрытии. Она смотрела вниз в щель платформы и, не глядя на хозяина руки, свою подала машинально. Сила инерции бросила девушку в нечаянные объятия «человека в маске», поэтому вопль был хоть и короткий, но душераздирающий. Так же, как Иза, она явно впервые увидела негра не на картинке.

– Йа не кусаться, – сообщил он девушке, вновь расцветая. Зубастая улыбка, вероятно, убедила ее в обратном. Оттолкнув спасителя, тараня толпу с энергией ледокола, она забурилась в проход. Иза сочла нужным улыбнуться гостю, чтобы не подумал плохо о людях советской провинции. Опять впустую: он озадаченно

уставился туда, где мелькнул и скрылся пшеничный девушкин крендель.

Вагон тасовал пассажиров на остановках, как карточную колоду. О комической ситуации помнили разве что Иза, девушка впереди и гость, кажется, огорченный ее бегством. Никто на него не пялился, и чета других иностранцев, смешно стрекочущих на бурундучьем языке, никого не заинтересовала. На прощание Иза улыбнулась каурому негру не напрасно, он заметил.

На улице людской водоворот кружился так же стремительно, как в метро. Асфальт, разогретый солнцем и трением несметных подошв, обдавал жаром ноги. Бульвары приглашали пройтись под тенью деревьев, обещая скамеечный отдых невдалеке от шумной магистрали. Зеленые кроны поднимались выше фасадов, окрашенных в нежные цвета зефира и крема. Трехглазый светофор регулировал дорожный ход. Всегда ли исправны эти подмигивающие фонари и тормоза машин? А то замешкаешься посреди дороги, и обложной металл с ревом ринется тебе наперерез! Многослойный московский мир и тут позаботился расступиться лестницей, ведущей пешеходов в подземный переход.

Выныривая из каменных недр, Иза посмотрела вверх, где в поисках удобных карнизов кружили голуби. С куполами церквей мирно соседствовали антенны радиостанций, а над макушками домов-атлантов пушились облачные очески. Бэла Юрьевна рассказывала, что в Москве семь небоскребов. В самой большой высотке на Ленинских горах, возведенной комсомольцами-стахановцами, учатся студенты Московского университета имени Ломоносова. Посещает ли обитателей верхних этажей желание, распластав крыльями руки, полететь над городом птицей? Изу бы посещало. Может, скоро ученые вместе со средством против старения изобретут индивидуальные летательные аппараты. Улицы опустеют, небо сделается густонаселенным. Подоконники превратятся в мини-аэродромы, не нужны будут подъезды, лестницы и двери…

– Отчего люди не летают, как птицы? – на ходу спросила себя Иза мечтательным голосом Катерины[9 - Слова героини пьесы А.Н. Островского «Гроза».].

Проходящий мимо мальчик в пионерской пилотке остановился и серьезно сказал:

– Потому что они – люди.

Такой приземленный мальчик-материалист!

Вход в учебное заведение, из которого Иза через энное время собиралась выйти подающей большие надежды актрисой театра и кино, преградил бумажный листок. Он белел с заманчивым призывом, а весть доложил невозможную, как если бы вместо ТАСС был уполномочен заявить, что сию минуту здесь начнется землетрясение.

«Прием заявлений… желающих поступить… окончен…» – перечитала Иза дважды, не веря глазам, но и в третий раз категорический смысл машинописных букв не изменился, в отличие от смысла жизни. Рухнули, поверглись в прах складно выстроенные планы на сегодня и годы вперед. Вот тебе и «люди не летают»… Прав был здравомыслящий мальчик.

Оцепенев у двери монументом бесплодных желаний, Иза переживала в себе конец света, но вот нос защемили слезы, и короткое замыкание прервалось. Рано сдаваться! Надо отправиться прямиком в деканат и объяснить, что ехала издалека, поэтому опоздала. Рука решительно сжала дверную ручку, а потянуть не успела – дверь сама открылась. Из нее, будто из-за отодвинутого холста с нарисованным очагом, выплыла кукольно прекрасная дама с голубыми волосами.

– Здравствуйте, – пролепетала Иза в оторопи от явления престарелой Мальвины.

– Добрый день, – приподняла та подрисованные брови. Быстрым взглядом окинула незваную гостью с головы до ног. – Вы куда?

– Сюда, – глуповато ответила Иза на глуповатый же вопрос, страдая, что в измочаленной юбке и потертых спортивных тапочках выглядит обдергайкой.

– Поступать?

– Я… мне нужно поговорить с деканом…

Мальвина указала на объявление:

– Здесь сказано: «Прием окончен».

– Совсем?..

– Вы опоздали.

Поправив упавший на глаза локон (просто седой и подсиненный), дама всмотрелась в Изу пристальнее, и голос ее смягчился:

– Небывалый нынче конкурс. Не расстраивайтесь, прием в вузы не везде завершился.

Иза сказала «спасибо» и поплелась куда глаза глядят, а они заплакали. Пришлось забрести под первую же арку.

Тень замкнутых полукругом домов обрывалась на залитой солнцем детской площадке. Она была почему-то необитаема, но возле песочного дворца с увядшей веточкой-шпилем сохранились следы сандалий маленького зодчего. В углу бордюра подрагивал пуховый катышек, забытый последним тополевым ветром.

Лениво полз жаркий, совершенно безнадежный день. В такой день хорошо загорать на берегу родной протоки, а не сидеть с разбитыми надеждами в чужом дворе чужого города. Провал с поступлением убил Изу. Возможно, не навсегда, но на неопределенное время. Мрачные мысли плыли в мозгу караванами и порознь, как паузки по реке в туман. Думать о неудаче было больно, что все-таки подтверждало – жизнь не ушла. Иза бросила караваны на середине реки и со сладко-прощальной обреченностью посмотрела на себя сбоку. Ей случалось видеть свое «я» со стороны, когда обстоятельства складывались не в ее пользу. Жалея теперь это «я», Иза одновременно иронизировала над ним и даже немного злорадствовала. Ведь мечтала же сняться в кино и прославиться? Мечтала. Получила славой по шее? Поделом. Не виновата Москва в том, что не хочет завоевываться ничьей славой. Полно бродит таких мечтательниц с подрезанными крылышками по столице нашей необъятной родины.

Солнечный проем арки притворялся отрезком сцены. По ней спешили куда-то несостоявшиеся балерины, поэты, космонавты, капитаны дальнего плавания, объединенные коллективной надеждой на светлое завтра. На подвижных декорациях проносились грузовики, трамваи и юркие, воплощенные в чью-то

реальность мечты-автомобили. Голубые автобусы напоминали своим цветом, что не у всех все сбывается. Железо катилось хозяйской полосой, и ни одна лошадка с телегой не нарушала заданный светофором бег…

На полупорожних грунтовых дорогах за границей Сибири транспорт был на треть гужевой. Все мамины деньги отдала бы Иза за то, чтобы оказаться сейчас на одной из родных дорог. Но как глянуть в глаза тем, с кем попрощалась? Что им сказать? Вот она – я, несолоно хлебавши возвратилась домой?

А разве у нее есть дом? Нет нигде.

Время менялось без участия Изы, и неспешный ход минут отдалял ее от конца света. Она ждала той …надцатой, когда пережитое уколет-уколет – и улетучится, даст место новым мыслям. Эта минута в конце концов наступила после того, как подумалось: мечта – не потеря того, что было, а расстраиваться из-за того, чего не было, по меньшей мере глупо. Можно попробовать устроиться на работу по лимиту прописки здесь, а можно и в Каунасе. Иза когда-то решила забыть о городе, где погибла вся папина родня, но раз такое дело… Адрес каунасского друга родителей записан в блокноте, подать телеграмму – непременно встретит, поможет с жильем. В стране всюду нехватка молодых рабочих рук. А мечта пусть как следует вызреет за год-два и докажет, что она непреходящая.

Из окна дома напротив донеслась песня из кинофильма «Девчата». Старый клен приглашал кого-то на прогулку. Иза привязала влажный от слез носовой платочек к шпилю песочного дворца. Высохнет платок, взовьется флагом – дуй, ветер! Повзрослеет маленький зодчий и возведет настоящий дворец. Возраст Изы тоже «репетиционный» – семнадцать лет! На душе сразу стало легко и просторно. Переночевать решила в гостинице при железнодорожном вокзале, а утром взять билет в Каунас.

В кошельке сохранилось прилично копеек на музеи и мороженое, выглядывал даже краешек новенькой хрустящей пятерки. Юбка жеваная? Ну и что! Среди шести миллионов москвичей никому нет дела до непрезентабельного вида Изольды Готлиб. И она, ни к кому, ни к чему не привязанная, вольна пригласить себя на прогулку до вечера, куда ей заблагорассудится.

Арка-сцена приняла зрительницу под округлые своды, придержала у поворота и пропустила в действие. Иза перешла незримую линию раздела, чтобы рассмотреть столицу глазами человека, не ждущего от нее для себя никакой выгоды и готового восхищаться всем увиденным. В зеркальной витрине отразилась задорная девчонка с длинной косой. В правой руке она несла необременительный чемодан, в левой – только что купленное эскимо и придерживала локтем сумочку цвета беж на ремешке. Девчонка подмигнула Изе: не все потеряно, даже если люди не летают!

Невесомые тапочки пританцовывали на ходу. Равновесие нарушилось невезением, а она чувствовала беспричинную радость. Бесцельно, из радости узнавать фамилии артистов, ознакомилась с программами спектаклей и концертов на афишной тумбе, нисколько при этом не печалясь, что имя Изольды Готлиб не украсит анонсов. Полюбовалась картиной за стеклом гастронома: каравай на вышитом рушнике, рифленые батоны, облитые лаком печного жара. Вспомнила гостеприимный противень тети Матрены…

Из магазинных отделов несло пряной мойвой и молочной сывороткой. Иза пообедала маковыми бубликами и стала совершенно готова к экскурсии. Для Третьяковской галереи, пожалуй, целого дня не хватит, но Москва – сама музей. Говорят, дороги мира ведут в Рим, а в Москве они ведут к Кремлю.

Глава 6

Москва собирает таланты

Краснокирпичные стены Кремля ощерились поверху раздвоенными зубцами. Когда-то стены защищали островное, в окружении двух рек, княжье гнездо. Крепость перенесла пожары, эпидемии, войны, но ни в царскую пору, ни позже Царь-колокол не бил тревог, а Царь-пушка не стреляла по врагу, хотя воины шли отсюда сражаться и возвращались с победой. Иза шла и думала, что нигде так сильно, как здесь, не ощущается суровая поступь истории. Пятиконечные звезды стрельчатых башен льют рубиновый свет на всю планету, опровергая лженауку астрологию, что берет на себя смелость предсказывать по звездам судьбу человечества. Часы Спасской башни отмечают ход земного времени. Кремль твердо держит руку на пульсе событий, учит людей жить и строить коммунизм.

XXII съезд партии объявил о полной и окончательной победе социализма в стране. Тогда же в новом Дворце съездов была принята программа построения коммунизма за двадцать лет. Когда Изе исполнится тридцать пять и она постареет, у каждой семьи в стране будет собственный дом или квартира, а у каждого бессемейного гражданина – отдельная комната в общежитии. Города устремятся к небу высотками, на первых этажах расположатся детские учреждения, химчистки, ателье, библиотеки, универмаги… Отпадет необходимость думать о деньгах. Высокий уровень производительных сил позволит каждому человеку брать, что ему нужно, в магазинах бесплатно. Коммунистически сознательные люди не возьмут себе лишнего, работать же станут с полной отдачей, чтобы всем всего хватало и даже оставалось.

О такой жизни для людей мечтал Ленин. Его забальзамированное тело лежит в траурном зале Мавзолея глубоко под землей. Владимир Ильич спит и, должно быть, видит сны о своих вечных поминках. С утра до вечера проходит у открытого саркофага вереница гостей. Ленин остался единственным экспонатом склепа. После съезда гроб с телом Сталина похоронили в некрополе у кремлевской стены… Время усатого портрета не вернется. Он сгорел навсегда… навсегда. Изе очень хотелось верить в победу программ партии под справедливым руководством Никиты Сергеевича Хрущева и Центрального комитета.

По сигналу курантов сменился почетный караул у гранитной усыпальницы. Иза с сожалением окинула глазами очередь – скучающую гусеницу-тысяченожку. Вот голова, а хвост растворился вдали в бесцветном от расстояния камне. Нет, не придется сегодня поблагодарить вождя за возможность учиться по его завету, за будущую комнату в общежитии… или квартиру, если Иза когда-нибудь передумает не выходить замуж.

Открытки не преувеличивали красоту собора Василия Блаженного. Ансамбль был похож на собрание русских теремов в азиатских чалмах. Недаром собор воздвигли в честь победы над Казанским ханством – последним прибежищем Золотой Орды. А Красная площадь оказалась небольшой. Как детская ладонь в масштабах гигантской Москвы.

Величие площади, конечно, измеряется не метрами. Она давно стала символом народного патриотизма. Это чувство столь огромно, что мерила для него не существует. Даже если бы кто-то взялся мельчайшим почерком от края до края брусчатки описать любовь советских людей к своей стране, ни жизни, ни места

недостало бы рассказать о всех военных и трудовых подвигах, о всех открытиях, изобретениях, произведениях литературы и искусства во славу Родины.

Людская река стягивалась к длинному дворцу ГУМа, точно на внезапно объявленный аттракцион. Продажа всего лучшего, что могут предложить потребителю торговые пассажи, своего рода еще развлечение и выставка.

В разветвленных линиях царила пылкая суета. Безудержная волна подхватила Изу, едва она сдала чемодан на хранение, понесла мимо аркад, витрин, дверей к неведомой цели, притиснула к прилавку. Целью, как выяснилось, были черные водолазки в шуршащих пакетах. Душный вал хлынул сильнее, сдавил со всех сторон, остро тыча локтями в бока. Иза вдруг почувствовала неприязнь к хищноглазой, рукастой стихии. Время, между прочим, рабочее: они что, не работают все?! Выбираясь из толпы, опомнилась: и я хороша! Поддалась ажиотажу, полезла, а деньги-то в трусах! Ничего… Есть еще у народа семнадцать лет для перевоспитания… При коммунизме фабрики произведут столько водолазок – хоть завались! Причем даром…

Представляя, как на глазах изумленной публики задрала бы в запале юбку и полезла в трусы, Иза прижала ладони к полыхающим щекам и помчалась по проходам и лестницам. Оравы покупателей с охотничьим блеском в глазах рыскали по огромному магазину, атакуя прилавки, но уже не хотелось знать, где что продается.

У выхода ее выловила за руку молодая женщина с заговорщицким выражением лица, притянула к себе и зашептала:

– Болгарские блузки… С утра в очереди на ногах, кое-как стою…

Из-под застежки пухлой сумки высунулся прикушенный, как язык, угол лиловой ткани.

– Спасибо, мне не подходит сиреневый цвет. – Иза безуспешно попыталась вырваться из цепких пальцев.

– Вы совершенно напрасно так думаете, – приглушенным голосом затараторила женщина, вонзая ей в запястье острые коготки. – Еще как подходит! У вас глаза синие, а сиреневый почти голубой, считайте, васильковый. Есть ваш размер.

Ровно по фигуре, сами убедитесь.

– Извините, мне больно…

– Что больно, что больно? – всполошилась женщина, но руку не выпустила и принялась подталкивать пленницу к углу.

Иза собралась купить блузку, лишь бы назойливая торговка отстала. Как же умудриться залезть в собственный кармашек… чтобы никто не видел? Может, встать к стене и как-нибудь… очень быстро…

– А на меня кофтенка найдется? – поинтересовался кто-то над ухом, и женщина с Изой подняли головы. Сверху вниз улыбнулась им сельчанка с рюкзаком. Надо же – третий раз на дню встретилась в московском муравейнике!

– Нет, на вас блузок нет, – поспешила заверить торговка и ослабила хватку.

– Жа-аль, – очень искренне зевнула Изина избавительница. – Бравенькие кофтенки.

Рука освободилась, пронырливая спекулянтка нашла другую жертву. Поблизости раздалось:

– Болгарские блузки… Точно на вас, как по заказу…

– Хуже репея эти барыги, – усмехнулась большая девушка. Букву «г» она произнесла мягко, на украинский манер. Поправив на плече сползшую лямку рюкзака, по-мужски подала ладонь и крепко пожала Изину: – Ксенией меня зовут, Степанцова фамилия. А я тебя еще на станции приметила. Ты, поди, поступать приехала в Москву?

Иза неопределенно качнула головой.

– Значит, поступать. Имя-то скажи, я ж свое назвала.

– Изольда.

– Из-оль-да, – медленно повторила Ксения Степанцова, словно пробуя слоги на вкус. – Это по-каковски?

– Так звали принцессу из скандинавской легенды, – привычно объяснила Иза. – Но вы меня Изой зовите, а то длинно.

– А ты меня – Ксюшей, и с чего на вы-то? Давай по-простому. Посидим где-нибудь на улице, что ли. Надоело пихаться в гурьбе.

Девушки сошли с мраморных ступеней, исшарканных миллионами ног.

– Не знаю, где ночевать буду, – пожаловалась Ксюша, усаживаясь на скамейку и вкусно хрустя сладкими кукурузными хлопьями. Прессованные «хрущевские пайки» в пакетиках продавались на каждом шагу. – Гляжу, и тебе идти некуда, раз с чемоданом шарахаешься до сих пор.

– Некуда. Но я собираюсь завт…

Ксюша, чем-то сильно взволнованная, не дала Изе договорить, что она собирается делать завтра, начала рассказывать о себе.

– Мама думала, что я до общаги смогу у двоюродной тетки перекантоваться. Тетка с мужем и дочкой в Трубниковском переулке живет, в благоустроенном доме. Я бы этот Трубниковский нипочем не нашла, на такси доехала. В звонок теткин звонила-звонила без толку и просто стучала. Вроде нету никого в квартире, а слыхать было, как за дверью шепчутся. Должно, высмотрели по глазку-то в двери и побоялися открыть. Тетка ж меня не знает, а фотку мою мама не дотумкала наперед ей послать. Ну, «поцеловалась» я с глазком и пошла искать Вельяминова. Эльфрида Оттовна, докторша наша, письмо ему отправила с моим направлением. Вельяминов каким-то начальником работает в Управлении культуры, тута недалеко. Зашла я в тоё управление, гляжу: лифт в этажах носится. Я сперва решила – кладовка либо уборная, а это лифт с дверьми – взъемная кабина для тех, кому лень по лестнице топать. Вахтерша растолковала, как вельяминовский кабинет найти и про кнопки в лифту сказала. Хорошая старушка. А ты на ём ездила?

– В лифте?

– Ага.

– Нет.

Ксюша махнула рукой:

– Нетрудно! Лишь бы дверьми не зажало, как в метро, где денежку не так кинешь – и железяки перед тобой выскакивают. И прыгать надо скорей, все равно что с бегающей лестницы.

– С эскалатора?

– Ну да, с его… Так вот, отдала я письмо Вельяминову. Он направление прочел и записку Эльфридину. Походил по кабинету. Спрашивает: «Вы зачем ко мне пришли?» Вот те на! Я-то думала, докторша мой вопрос осветила в записке. А раз нет, терять нечего. Отвечаю, что в институте, который Эльфрида Оттовна в Москве для меня выбрала, есть факультет по клубному делу и нужная специализация – руководитель самодеятельного хорового коллектива. А направление мое, говорю, из районного Дома культуры, но никаких прав поступать мимо конкурса мне не дает. Правда, в бурятском городе Улан-Удэ, близко от нас, целый институт культпросветработы открылся. Я бы, говорю, туда поехала, да знакомых нету тама. А он говорит: «Я же вам незнакомый», сам смеется. Я не растерялась, говорю: «Зато Эльфрида Оттовна вас знает. Она сказала, вы поступить поможете, потому что талантам надо помогать».

Скосив на Изу серые глазищи, Ксюша хрупнула зернистым брикетом.

– Это у меня.

– Что?

– Народный талант, то есть голос. Вельяминов мне говорит: «Пойте». Я один куплет спела, он сразу: «Хватит, хватит, а то люди подумают – застолье, и выгонят нас». Спросил, как Эльфрида поживает. Потом велел завтра с утра в институт прийти. Ладно, сказал, помогу, Москва собирает таланты.

– Без экзаменов поможет?

– С чего? Буду сдавать, как все. Просто комиссия ихняя проверит мой голос и музыкальные способности до сочинения. А то ведь после его меня сразу могут вытурить за ошибки, и спеть не успею. Сочинение-то у них первым экзаменом идет. Если понравлюсь комиссии, слабже на грамоту глянут.

«Типичная Фрося Бурлакова[10 - Фрося Бурлакова – героиня кинофильма «Приходите завтра» (Е. Савинова, реж. Е. Ташков, 1963 г.).], – молча изумилась Иза. – А Вельяминов, наверное, фильм смотрел».

– Я в нашем клубе по слуху любые песни на баяне подбираю, как аккомпаниатор. Еще на аккордеоне умею и пианине… Ой, болтаю, болтаю, а тебя не спросила, куда поступаешь!

– Уже никуда. Там рано прием закончился.

– А профиль какой?

– Театральный…

– Слушай, давай со мной, а? – обрадовалась Ксюша. – В «моем» институте учат на художественных руководителей, я читала! Самодеятельными коллективами в клубе руководить. Можно, поди, и театральным, лишь бы талант был!

Внезапное предложение застало Изу врасплох. Руководитель самодеятельного театрального коллектива? Почему бы и нет… Следовало хорошенько подумать.

Глава 7

«Ярманка»-день

Иза еле поспевала за большой девушкой, у нее и шаги были большими. Вертя подсолнуховой головой, она бубнила:

– Сил нет терпеть, сейчас обчишкаюсь! Где у них здесь уборные? Москвичи, верно, думают, будто приезжие не чишкают совсем?

Возмущенное Ксюшино бормотанье невольно побудило в Изе рефлексивные позывы. В любом общежитском дворе ее города можно было обнаружить за сараями скромный дощатый домик с известными буквами. Возле учреждений стояли беленые известью «домики» побольше, внутри темнел ряд отверстий над выгребными ямами – хоть по десять человек враз садись. А тут, в центре архитектурного пафоса, как-то даже неловко заподозрить наличие отхожих мест. Где же люди нужду справляют?

Они вернулись к Кремлю. Подвальный туалет нашелся под стеной Спасской башни. За дверью дамского отделения тихо, как мышь, стояла толстая тетенька с кондукторской сумкой на шее. Вместо билетов из сумки выглядывал рулон деликатной бумаги. Ксюша промчалась к отсекам, едва не пристукнув мышиную женщину дверью.

– Лимита понаехала, – прошипела та и наметанной рукой вытянула перед Изой сантиметров тридцать из рулончика: – Три копейки.

На выходе Ксюша улыбнулась тетеньке:

– Я вас чуть не сшибла, извиняйте…

Та презрительно поджала губы и не ответила.

– Гонору-то, гонору! Прям директор жопных промокашек, – фыркнула на улице Ксюша.

– Туалетной бумаги, – засмеялась Иза, – или гигиенической.

– А! Кличь хоть космической, все одно задницу подтирать! Я у Эльфриды такие салфетки видала. Она говорит, немцы эту роскошь буржуйскую еще до войны выпускать начали.

Иза подумала, что большая часть страны-победительницы не ведает о подобных изысках. В детдомовской уборной был прибит к стене старый портфель.

Дежурных обязывали следить за его наполнением исписанными тетрадями и газетами. Из газет предварительно вырезались фотографии передовиков производства, чтобы не пачкать их лиц. Правда, к концу дня фотографии все равно простодушно сжигались в дырявом баке вместе с употребленными бумажками.

Люди выписывают много периодики. Не везде построены перерабатывающие заводы, вот и уходит макулатура на естественные надобности и растопку печей. Ученым некогда изобретать механизмы по выпуску интимной бумаги, они создают ракеты и ледоколы… Но вот об утолении летней жажды ученые, к счастью, позаботились. У автоматов «Газированная вода» ждали освобождения общественных стаканов терпеливые очереди.

– Сама хочу, – отвергла Ксюша техническую помощь. Громко удивлялась фонтанчикам с краев поддона, промывшим стакан, порции послушно влившейся в него розовой шипучки. Щурилась, довольная: – Пузырьки в нос колются!

Вопреки сокрушительной дремучести, девушка оказалась любознательна, как Колумб, и не пропускала без комментариев деталей московской жизни, задевших ее интерес. Призывно-красные автоматы с газировкой раз за разом манили Ксюшу проверить точность манипуляций. После трехкопеечных медяков пошли в ход копейки на воду без сиропа. Иза обеспокоилась: человек не обладает способностями верблюда оставлять в себе жидкость впрок… Результат злоупотребления механизированным чудом общепита сказался очень скоро. Новые поиски туалета привели к промтоварному магазину, под аркой которого скрывалось нужное заведение, оккупированное спекулянтами. Шла бойкая торговля лиловыми болгарскими блузками, рулонами сортирной бумаги и прочими редкими вещами. Иза не собиралась ничего покупать, но в кабинке на всякий случай сунула в кошелек несколько крупных купюр из секретного кармашка.

«Всякий случай» не замедлил представиться в виде белой с волнистыми линиями коробки Mitsouko. Сложно было найти более неподходящее место для торговли духами, но почему-то никто не удивлялся. Их продавала юная спекулянтка в вызывающе коротком платье и длинном, вровень с подолом, белом пиджаке, а может, пыльнике. Вспомнились слова Бэлы Юрьевны на танцевальных занятиях: «Уважающая себя женщина – это безупречно чистая обувь на каблучке, прическа и капля польских, лучше – французских и совсем уж на крайний случай рижских духов».

Женщины подходили к спекулянтке, с сомнением нюхали коробку и перешептывались между собой: неужели действительно парижская парфюмерия? Не подделка? Спрашивали, сколько стоит. Осуждающе качали головами: такая молодая девушка… комсомолка, наверное, а уже…

– «Мицуко», герленовские, – сказала Изе странная продавщица. – Хотите, открою? – и, нисколько не конфузясь, извлекла из верхней упаковки нарядную темно-красную коробочку с золотистым изображением дерева, человека и птиц. В изящном флаконе угадывалась женская фигурка с плавно стекшими к узким «лодыжкам» складками стеклянного кимоно. Чудесная бутылочка, запечатанная бутоном хрустальной розы, издавала едва уловимое дыхание влажного после дождя лишайника, смешанное с горьковатыми оттенками спелого древесного сока, увядающих лепестков и сухих лимонных корочек. Иза влюбилась в этот осенний, чуть замшелый запах грусти раз и навсегда. Прохладный аромат немного походил на тот, что нежнейшим шлейфом реял за Бэлой Юрьевной по детдомовскому коридору. На заре превращения из девочки в девушку Иза мечтала о французских духах. Вот и сбылось… Должно же у человека что-то сбываться.

– Ой, держите меня семеро! – ахнула потрясенная Ксюша. – Я столько за месяц получала! У тебя что, родители начальники?

– Нет…

– С какого тогда перепугу кучу денег спустила? – дивилась, размашисто шагая, Ксюша. Говорила, не понижая голоса, на них оглядывались. – У Эльфриды «Красная Москва» была, она мне на Новый год давала попользоваться. Тоже хорошо пахнет. В тутошних магазинах «Красная Москва» свободно стоит, в коробке сразу одеколон и духи, и цена куда меньше. А ты что у барыги купила? Безделицу на одну подмышку!

– Франция же…

Ксюша захохотала:

– Франция-засранция! Поди, наша-то Москва не хужей ихнего Парижа!

– Лучшей! – развеселилась Иза. – Лучшей и большей! У них – Эйфелева башня, у нас – Ленинские горы, их еще Воробьевыми зовут! Оттуда, говорят, Москву с птичьего полета видно!

– Так айда?

Ксюшина разговорчивость быстро помогла добраться до станции нужного метро, и эскалатор-подъемник, как движимая волшебством терраса, помчал их на макушку лесистого холма над Москвой-рекой. Обнесенная гранитными перилами смотровая площадка была полна вездесущих голубей, фотографов и туристов. Ксюша подбежала к парапету с распростертыми руками:

– Здравствуй, Москва-а-а!

Лес внизу буйно клубился, нарастал к подножию и обрывался у камня набережной. Острый киль какого-то судна распарывал атласную синь, открывая в разрезе кипенный речной подол. Река широко раздвинула здесь излучистые в локтях рукава, и во все стороны от ее светлых рук, от пышного кулича «Лужников» в зеленых ладонях леса, могучими волнами разлилось пестрое море города-исполина. В густо переслоенной зеленью мозаике куполов и кровель вспыхивали золотые луковки церквей, и тысячи солнц сияли в тысячах калейдоскопических окон. Все было такое же красочное, как на открытках Бэлы Юрьевны, но просторное и живое. Скользя по величественной панораме завороженными глазами, Иза радовалась, узнавая среди глянцевой белизны храмов башенный сурик и колокольни Кремля. Взгляд останавливался на пиках сталинских высоток, слюдяных и полупрозрачных ближе к небу, на карамельно-розовых башенках Новодевичьего монастыря, на Шуховской радиобашне – поразительном подобии витой из тальника верши, какую ставят на щуку и налима в ленской береговой быстрине. Движения машинных кранов в сотах новых жилых массивов, дым заводских труб позволяли оценить колоссальный размах городского строительства. Погружаясь вдаль, разноцветное, ажурно-ступенчатое, цветущее и каменное тело столицы терялось в пеленах распаренного горизонта. А позади возвышался главный небоскреб страны, главный ее университет – воплощенная в рукотворной высоте и объемах ода вертикали. Распахнув многооконные крылья корпусов, невероятная птица советского зодчества словно собралась взлететь, присела слегка и вытянула утонченную шею к небу, где шпиль ее, увенчанный филигранной звездой, тонул в трепете предвечерней зыби.

Ксюша задыхалась от избытка чувств, не в силах оторваться от грандиозного зрелища. Пока спускались, Иза тоже все оглядывалась на площадку, оставшуюся наблюдать биноклями, как в зависимости от погоды и времени меняется необозримое пространство Москвы.

Странно было бродить по заповедным дубравам в центре большого города. В тесном плетении ветвей пели храбрые птахи, не чета робким таежным, чьи одинокие песни окутывает чуткий шелест листьев, да перебьет иногда скрипучий древесный стон либо барабанная дробь пирующей на ели желны. Некоторые деревья Иза видела впервые, но ни с какими другими не спутала бы знакомые по картинкам дубы – раскидистые шатры их крон, вязкий запах коры, отдающий застоялой кадочной водицей, их блестящие, кожистые, как перчатки, листья. Признала она и жилистые ладошки кленов, а уж липы, пусть и отцветшие, сразу заявили о себе чайным и мятным, чуть дурманным благоуханием сердцевидной листвы. Встречались сосны – толстые, в броневом корье, забранные в узловатых комлях плюшевыми оторочками ярко-зеленого мха. Совсем непохожие на гладкоствольный сосновый бор над деревней Майис. Руки помнили шелковистые на ощупь чешуйки с коры родных дерев, а может, так казалось из-за прилившей к сердцу тоски по их солнечному теплу под низким к горам северным небом.

Кусты жимолости и смородины были тут точь-в-точь как в якутском лесу. В папоротниковом кружеве топорщились крупные листья ландыша, над колокольчиками деловито жужжали шмели, собирая остатки нектара в фиолетово-синих зевах. Пролетела одна стрекозка, другая… Лазурные дети воды быстро-быстро стригли пропитанный лучистой пыльцой воздух над влажной лужайкой, зависая в нем стеклянными брошками. Значит, пруд или озеро рядом.

Внезапно послышался резкий, какой-то выпуклый звуковой сполох, идущий будто откуда-то с неба, и сильный торжественный гул заполонил горы чистыми, ясными звуками с долгим эхом, какие издавала красная медь под молотком в кузнице дяди Степана.

На зарумянившемся лице Ксюши застыло благоговение:

– К вечерне звонят.

Каждый колокольный удар, полный железного гуда, не дробился, а таял, теплел ровно, протяжным хоральным вздохом. Уходил с мягких басов в высокую глубину светлого звона, превращаясь перед новым ударом в хрустальную, мельчайшими брызгами расплеснутую воздушную взвесь. Лес притих, затаился под неземную, но таинственно естественную в мире живых существ музыку. Она походила на многократно усиленную песнь весенней капели.

Небесный звон вывел вверх, на присыпанную песком дорогу аллеи. Ее завершала белокаменная церковь постройки не помпезной, проще и строже большинства храмов в городе. В отдельной колоколенке ритмично качался звонарь, будничным благовестом призывая народ к вечерней службе. К церкви в самом деле по двое-трое направлялись люди.

– Действует, не закрыли. – Ксюша перекрестилась в сторону и заторопила: – Поехали, а то завечерело, и рюкзак мне уже тяжко таскать.

Конечная остановка троллейбусного маршрута совпала с намерением прокоротать эту ночь в гостинице на железнодорожном вокзале. Троллейбус, подвешенный подвижными усами к электрическим проводам, катился по шоссейной дороге, будто по воздушной реке. Не выказывая никаких признаков усталости, Ксюша по-прежнему восторгалась пробегающими мимо уличными деталями:

– Сыну партии – слава! – гордо зачитала надпись на плакате со снимком Гагарина и опечалилась: – А Терешкову Валентину рядом не повешали…

В радиус Ксюшиного взгляда, привычного к просторам колхозных полей, вмещалась вся заоконная Москва. Изу же утомили бесконечные конвейеры зданий и душный запах каленой мостовой, от которого замутило, как только поредела зелень. Закрыла глаза, но и тогда в темноте под веками назойливо проступила сдобная лепнина фризов, ордеров, картушей… Перенасыщенным декоративными изысками глазам было неспокойно – так случается после сбора ягод: ночью, пока не уснешь, колышутся перед тобой во мраке тронутые дымком спелости гроздья.

Рядом пассажиры обсуждали снос домов на Красной Пресне. Мужской голос радостно сообщил, что жителей коммуналок начали переселять в новые квартиры. Кто-то посочувствовал:

– В черемушкинских пятиэтажках ни лифта нет, ни мусоропровода…

– Зато кухня собственная – это же счастье!

– Ах, как жаль…

– Что вы жалеете?

– Жаль: уходит старая Москва…

Вокзал шумел и суетился не по позднему времени. В кафетерии Иза переглянулась с Ксюшей: ну и цены! Всё же выпили по чашечке кофе без цикория. Вкус у него оказался потрясающий, как у дорогого шоколада. Нагулянный аппетит на ходу усмирился купленными в киоске пирожками, Иза еще взяла невиданный грейпфрут. Ксюша попробовала и скривилась:

– Горький этот грибфрукт! Хужей апельсина. Поди, недозрелый.

Горечь в гибриде впрямь преобладала над апельсиновой сладостью и лимонной кислотой. Развенчанный плод упокоился на горке мусора в урне у гостиницы.

Пустоватый гостиничный холл разнообразили две вещи, не сказать, что приятные: меланхоличный холмик чьего-то жестоко начесанного перманента над администраторской стойкой и картонная табличка с красивой надписью: «Свободных мест нет».

– Скажите, пожалуйста, а что, совсем нет местов? – решительно осведомилась Ксюша.

– Нет, – качнулся овечий холмик.

– Ни одной койки? Мы б хоть вальтом…

Подошедший мужчина с обворожительно вкрадчивой улыбкой облокотился о стойку и вызвал заинтересованный трепет прически, сразу оказавшейся вполне симпатичной дамой. Виртуозно обогнув Ксюшу глазами, она с неподдельной отзывчивостью заговорила с новым посетителем.

Сумерки на улице сгустились, вспыхнули фонари. В полумгле, несмотря на богатую иллюминацию, материал и цвет строений победила геометрия форм. Иза представила, как прекрасна ночная Москва с обзорной площадки, и огорчилась, что не остались в лесу.

Прогулялись по набережной, украшенной циклопической гравюрой моста, по людной площади и, отойдя от бульвара, нашли проулок с уютным сквером. В глубине под кленами обнаружилась неприметная с дорожки скамья.

Иза не дождалась свербящего комариного звона. Не тайга… Вечерний город мерцал светлячками окон, из кобальтовой выси сочилась звездная пыль, и снова кольнувшая сердце тоска неожиданно вырвалась вслух:

– А у нас белые ночи.

– Где это «у нас»?

Поддавшись искреннему Ксюшиному интересу и магнетическому сиянию звезд, Иза нечаянно рассказала о себе все. Ну, почти все. Будто прыгнула с высокого обрыва в реку и, пока летела, вся жизнь пронеслась перед глазами. В какие-то двадцать минут слов вместились те близкие люди, кто ушел, и те, кто остался, деревня дяди Степана и Майис, улица Карла Байкалова, детдом и школа. Иза удивилась малости своей жизни, хотя так подробно и долго никому ничего не рассказывала. Ксюша слушала очень внимательно, только вздыхала слабым эхом. «Жалеет», – сообразила Иза, смутилась и смолкла.

– Извиняй, что я про твоих родителей как о начальниках подумала. – Ксюша гулко высморкалась в платочек. – Ну, из-за духов-то…

– С детства мечтала о таких.

– Мало ли что намечтается, а ты не трать. – Ксюшин голос окреп и посуровел. – Вот поступим вместе и купим тебе зимнюю справу, а то все материны деньги на хахряшки спустишь.

– Ты, Ксюш, с Забайкалья родом, я правильно поняла? – спросила Иза, хитроумно сворачивая с наставительной темы.

– С него, – охотно переключилась на себя Ксюша. – Тятя говорил, что наши семейские пришли туда давно, при Екатерине. Могет, и раньше. Где примечали пахотные земли, там останавливались.

– Семейские – народ?

– Народ-то народ, да не нация. Старообрядцы. Есть общинники, и безобщинные, и совсем темной веры, ни газет не читают, ни радио не слушают. А семейские потому, что после Никонова раскола жгли их, казнили, гнали отовсюду, и шли они по земле большими семьями. Правда, потом разошлись: кто в Забайкалье, кто на Алтае осел, а тятина родня вообще в Австралии живет. Письма не пишут, власти не велят, но тятя где-то вызнал – хорошо живут, – Ксюша засмеялась, – даже отлично, с собаками-дингами и кенгурями. Тятя до того, как паралич его хватил, бывало, на милицию рассердится и в Австралию «едет». «Надоели! – кричит. – Уеду к австралам!» Милиционеры нет-нет да приходили, искали чего-то. Говорили – сектанты вы. Почуем иной раз неладное, либо соседи предупредят, мама иконки в дерюжку завернет и закопает в назем, в огородном срубе для рассады… Тятя однажды с участковым повздорил, так тот кур в мешок покидал и утащил. Хотел тятя председателю пожаловаться, а мама сказала: «Ну их, из-за клахтушек связываться». Боялась, что отца могут посадить. Как семье без тяти? Нас, детишек, девятеро, вечно зыбка в избе. Старшие в школу, мы на вторую смену катанки ждем. Брат принесется, я в них влезу – теплые, и бегом на уроки. Утром дома хлебом пахнет, восемь караваев вмещается в нашу печь, если мука в запасе, а нет – на гольной бульбе сидим. В каникулы зерно перебирали для семени, чтоб колхоз цельное сеял, не посеченное, отделяли лебеду и полынь. Полынное семечко на гречку похоже, «торицей» называется. Эти отходы брали домой. Мама торицу через жернов пропустит, горькие караваи, а вкусные-е! Она браво стряпает. Мы как-то компанией на маевку пошли, снедь достали, гляжу – булки у всех белые, молосные, а мне мама ржаной сгибень сготовила. Я его, неказистый, с краешку приткнула. Покушали, ищу сгибенек – нету, вчистую подмели, а с ихних булок половина осталась… Потом наши старшие в колхоз записались. Навалом белого зерна выдали им в первый год на трудодни, вот была радость! Зимовали с пшеничным хлебом.

– А вера ваша семейская, Ксюша, сохранилась?

– Ну, иконы не вешаем – опасно. Когда прятать не надо, мама на полку ложит.

– Значит, ты в бога веришь?

– Как не верить, если все от Его? Мама говорит: «Что ни делаешь – Бога в душе держи».

– Разве ты не комсомолка?

– Комсомолка. А одно другому не мешает. Я так думаю: все хорошее, что есть на земле – дружба, труд, доброта человечья, комсомол и коммунизм, науки разные, – от Его. Почему, скажи, когда песни поешь, в душе так светло? Потому что и песни от Бога. Семейских хлебом не корми – спеть дай. Сеют – поют, пашут – поют, плачут ли, веселятся – все одно поют. У нас дома все певучие. Как назовешь фамилию, чужие люди вспоминают: «А-а, это те Степанцовы, что ярманку остановили!» Легенда есть. Ехал народ на ярманку, дорога в обозах, негде ступить. А дедка мой с братьями лукавство задумали. Сложили мешки на дедкину телегу, он поехал, а братья вышли на гору над дорогой и давай песни петь. Обозы встали, народ про все на свете забыл. Пока концерт слушали, на базар опоздали. Дедка в тот день браво наторговал. После ярманки просто так на горушке пел, от радости, и те, что обратно ехали, опять останавливалися… Все мы, Степанцовы, с двоюродными братьями-сестрами с концертов по праздникам не вылазиим. Я так со второго класса. Работать начала, и то отпускали после обеда на репетиции.

– Ты тоже в колхозе работала?

– Не, в школьной столовой. Отпраздновали, помню, День революции, и поехала я в районную больницу медкарточку заполнять. По докторам сходила, остался гинеколог – врачиха по женскому организму, Кнолль фамилия. Вот она и есть Эльфрида Оттовна, тама я с ней познакомилась. Спрашивает: «Половой жизнью живешь?» Я не поняла. Она снова: «Спишь с кем?» «Ой, – говорю, – сколь себя помню, столь половой жизнью и живу!» Эльфрида посмотрела мне внутрь. «Зачем врешь?» Я в обиду: «Ничего не вру! У нас дома только родители на кровати спят, а мы, ребятня, как с зыбки, так на пол. Войлок постелем и спим». Глупая была, насмешила ее… После больницы я по маминым заказам в магазин прошвырнулась и опоздала на последний автобус. Никого в райцентре не знаю. Как назло, ветер подул. Стою-плачу, замерзла. Глянь – давешня гинеколог идет: «Чего ревешь, половая жизнь?» Пожалела меня, позвала к себе. Дома у нее отопление казенное, плита диковинная, телефон. Позвонила в сельсовет, велела маму предупредить, чтоб не теряли. Почаевали с комбинатовскими булочками,

Эльфрида пластинку поставила. Пластинок у нее!.. Не поверишь, вся полка в пластинках. «Музыку, – говорит, – любишь?» «Не просто люблю, – говорю, – а и сама играю и пою лучше всех у нас в клубе». «Спой», – велит, как Вельяминов в управлении сегодня. Ну, я спела. Одну песню, вторую. Она все: «Пой, пой!» Сама чего-то заволновалась, забегала по комнате. Про школу спросила. «Надо бы в вечернюю!» А какая вечерняя в нашем колхозе? Я семь-то классов кое-как кончила, не близко ходили в другое село гурьбой. Эльфрида подумала-подумала и предложила санитаркой поступить в стационар. «У меня, – говорит, – будешь жить и учиться». Я поначалу не хотела, чужой все-таки человек. Она мне: «Подумай». Мама жалела пускать – к чему, мол, лишняя грамота, а тятя сказал: «Могет, наша Ксюха в большие люди выбьется». Три года я у Эльфриды жила, работала в стационаре и в вечернюю школу ходила. А однажды летом в отпуску замуж выскочила. Недолго за мужем сидела, вернулась к врачихе… Ох, как она с моей учебной нехотью воевала! Заставила дотянуть до аттестата. Аккордеон помогла купить, чтоб я музыкой занималась сама. Дорогущий… Я его на прощанье братишке подарила, он тоже играет. Выучусь, заработаю и новый куплю, или даже пианино.

– Эльфрида Оттовна – немка?

– Да, из Германии самой, антифашистка. Подпольщицей была. В тридцать восьмом попросилася в Советский Союз. Дали ей в Москве политическое прибежище, лекции читала в институте. Не простая врачиха, ученая, генетик по биологии. Есть такая наука – генетика.

Ксюша многозначительно посмотрела на Изу: спросит – не спросит? Иза спросила.

– Генетика изучает передачу наследства, – с готовностью принялась объяснять Ксюша. – Вот, к примеру, человек поет хорошо, а почему? Потому что родители хорошо поют и передали ему голос красивый по хромосомной теории, которую генетики придумали. Но другие ученые эту теорию опровергли, назвали неправильной и буржуйской. Особо один против выступал, Волосанко фамилия.

Ксюша наморщила лоб.

– Нет, Лысенко, кажись… Да хоть как. Главное – Сталин ему верил, поэтому партия объявила, что любого человека можно воспитать певцом или художником

без всяких генов. Гены запретили, Эльфриду Оттовну эвакуировали к нам, аккурат война грянула. Позволили работать в больнице, а многих ейных друзей отправили в тюрьму. Теперь вроде всех освободили. Восстановилась ихняя генетика. Эльфриду зовут в Москву, а она уже никуда не хочет. Старая, говорит, стала, в науке пусть молодые экспериментируют. Даже в ГДР не хочет, родня-то вся в Западной Германии осталась…

– Спой что-нибу-удь, – зевнула Иза. Впечатлений и переживаний за день случился переизбыток, хотелось спать.

– Милиция набежать могет. Хулиганы, собаки.

– А ты негромко.

– Ладно. Тятину песню спою про Степанку-солдата.

Ой, по морю, да-а по синю,

Ой, корабли гу-удят.

Плывет с войны на-а-а войну

Бравый Степанка-а солдат.

Голос Ксюши ничем не напоминал Полинин. У Полины был с резковатыми звонцами в высоких нотах – то вился, как крутой ручей, то трепетал, как шелковый шарф на ветру. Этот забирал глубоко, дна не видно. Не голос плыл – текла тихая река с чистой, мягкой водой.

Ой, да грудь его-о в орденах,

Ой, а сам еще моло-одой.

Просит генера-алов солдат

Отпустить его-о домой.

Огни в домах погасли, кто-то уже видел первые сны. Ксюша, наверное, усыпила своей спокойной песней всех ближайших милиционеров, хулиганов и собак. Иза не слышала колыбельных с тех пор, как умерла мама…

Ой, да генера-алы мои,

Ой, давно я мать не видал.

С тятей не паха-ал я земли,

Женушку не це-еловал.

Ой, да генера-алы говорят:

«Ой, да море – сине вода.

Позабудь о до-оме, солдат,

Не вернешься ты никогда».

Чемодан Иза сунула под голову, укрылась свитером. Было тепло, а с Ксюшей – не страшно. В глазах мелькала конфетная, карнавальная московская палитра. Отбитый осколок Царь-колокола, прислоненный к постаменту, доверчиво блеснул по краям спрятанной в патине бронзой. С душистых лип, источая грустный аромат «Мицуко», летели цветочные зонтики. Жесткие дубовые листья шептались со стрекозками на языке лесных духов… Пестрая «ярманка» дня скакала обратно, наискосок, вперемешку и, вихрясь разноперым потоком, уносился в ночь. Иза крепче схватилась за круглую землю, чтобы не выпасть в космос. Звезды улыбались на черном бархате, как африканский гость в туннельном поезде. Блэк энд уайт… Между звездами вклинилась луна – пористый, недозрелый, разочаровавший горечью южный плод. Грейпфрутовая луна вдруг обернулась желтым прицепом с разливным квасом. Точно такой же, окутанный хмельными парами и облаком пьяных мух, каждое лето стоял у крыльца магазина в Залоге. Дома… Подумалось с жалостью: не пустили домой Степанку-солдатика.

Глава 8

Как много в этом звуке

С видного места в вестибюле свысока смотрела на всех Доска почета с фотографиями студентов-отличников. Под ней томилась очередь в первую

коридорную дверь с табличкой «Приемная комиссия». Иза с Ксюшей удлинили собой хвост очереди, а минут через пять она растянулась до лестницы на второй этаж. Ксюша то и дело бегала к входу смотреть в окно: боялась пропустить Вельяминова. Поступающие заходили в судьбоносный кабинет по одному. Табличка на мгновение взблескивала в полутьме, и толпу пронизывал сдавленный вздох.

Из двери выглянул импозантный старик в седом венчике вокруг благородной лысины, и Ксюша испуганно ойкнула. Оглянувшись на «ой», он обнажил в улыбке литую вставную челюсть. «Вельяминов», – поняла Иза.

Вельяминов, возникший с внеплановой стороны, почему-то навлек оторопь на свою протеже. Ксюша так смешалась, что забыла поздороваться, а когда старик взял ее за руку, инстинктивно уперлась. Иза молча подталкивала Ксюшу в спину, старик молча тащил ее куда-то, но безмолвная Ксюша была сильнее и стояла, как столб. Очередь, разумеется, заинтересовалась, возликовала и частью высыпала в вестибюль наблюдать за нечаянной пантомимой. Вельяминов рассердился:

– Не на эшафот идете, только из уважения к Эле время теряю!

– К какой Эле? – отмерла Ксюша.

– Наверно, к Эльфриде Оттовне, – шепнула Иза, и заторможенная Ксюша покорно стронулась с места, словно ей сказали «сим-селабим».

– Блатная, – осенило кого-то в толпе. – Надо жаловаться!

Вельяминов сделал вид, что ничего не услышал, Ксюша ускорила шаги, а плечи повесила.

– У нее талант, – обиделась Иза за новую подружку. – Голос народный, и направление из районного Дома культуры.

– У меня от республики направление, и то сомневаюсь.

– Эти договорятся, а мы с носом останемся…

– Такие везде пролазят!

Пока «эти и такие» поднимались по лестнице, Иза вертела головой, не успевая отвечать на злые реплики, и лихорадочно соображала, что еще сказать в защиту Ксюши. А Ксюша скоро сама сумела за себя постоять.

Вначале со второго этажа просквозил неуверенный, будто недоумевающий звук, мало похожий на человеческий голос – подобные стоны доносятся под утро из хмарей туманных болот. Но не успела толпа рассмеяться, как голос выровнялся, окреп, вырвался на свободу и, точно хлестнувшее в луга половодье, затопил видимое и невидимое пространство.

– …мне ль по силам Ты тяжкий крест даешь?

Невольные слушатели придушенно вскрикнули – не ожидали, что их всем скопом выбросит в реку, как донскую казачку с моста. Не простой рекой лилась песня! Словно из глубины земли русской поднялась величавая ширь, былинная мощь, вдохнула волнение в души и позвала за собой медноустым малиновым звоном.

– Шаляпин в юбке!

Кому-то в голову пришло вчерашнее Изино сравнение:

– Фрося Бурлакова. Надо было сразу в консерваторию топать.

– Да-а, все бы блатные так пели…

Бог ли подарил Ксюше чудотворный голос, или певучие деды-раскольники, но была она, безусловно, талантлива. Не согласиться с этой очевидностью мог человек только с ограниченным слухом, а таковых среди приближенных к искусству не оказалось.

– Что она поет?

– Ариозо из кантаты Чайковского «Москва», – пояснил высокий парень, чья мальчишеская физиономия веселым маяком сияла над волнами голов, а каштановая шевелюра нуждалась в стрижке.

– У девушки очень низкое контральто, но ведь партия-то для меццо-сопрано, – осторожно заметил второй знаток.

– Большой диапазон! – горячо возразили ему.

– Тс-с-с… Дайте дослушать.

Волшебный голос Ксюши разогнал насупленные против нее тучи, как авиация разгоняет их к первомайскому параду. Те, кто возмущался, теперь молчали в тряпочку, а певица не знала, что с каждой нотой обретает союзников и поклонников. Живая музыка текла вольно, светло, хотя несла слова сомнений и метаний, молитвы и веры. Минуя древние поселения, приютившиеся у подножия княжьего града, песня начала взмывать к вершинам семи разновеликих холмов, ближе и ближе к Кремлю, жарче, звонче… Красный колокольный перебор, звон-город!

– Кто силу даст, силу крепкую?! – потребовал у кого-то ответа наполненный тревогой голос и, озаренный свыше, с торжественным воинским смирением утвердил клятву: – …Христов венец.

Вестибюль взорвался аплодисментами.

– Пишите жалобы, товарищи завистники, – засмеялся «маяк».

Иза поспешно отвернулась: парень поймал ее рассматривающий взгляд. Глаза у него были цвета жженого сахара, темного меда с коричневыми чаинками. Наверное, на той реке, откуда он родом, веснушчатые сердолики. А еще Иза удивилась их подозрительному блеску. Прослезился он, что ли, от Ксюшиной песни?..

Иногородних отправили в студенческое общежитие. Недалеко обнаружился гастроном, и девчонки наскоро перекусили кексами с молоком из треугольных пакетов. Воодушевленная успехом Ксюша кипела учебным рвением, будто для подготовки к сочинению ее сомнительной грамматике хватило бы оставшихся пяти дней. Сграбастала свой рюкзак, чемодан и побежала к четырехэтажному дому в конце аллеи – налегке не догнать. Иза и не пыталась. Шла, с зябкой дрожью вспоминая неприятного человека в кабинете приемной комиссии. Он

испортил все радостное настроение после Ксюшиной песни. Вначале Иза не обратила внимания на мужчину, который бесшумно прохаживался за столами. Вчитавшись в ее анкету из-за плеча институтского представителя, он вдруг бесцеремонно выхватил у него из-под носа Изины документы и бегло просмотрел листок с автобиографией. На короткий вопрос мужчины Иза ответила так же коротко. Он кивнул и больше ни о чем не спросил, но в нее успел заглянуть детский страх. С тех пор как директор школы запретил ей петь советские патриотические песни, никто не интересовался политическим статусом ее родителей…

Мужчина был из тех людей, чей возраст трудно определить – то ли около пятидесяти, то ли за шестьдесят, – кряжистый, но скроенный ладно, с претензией на спортивность, с голосом невыразительным и прижимистым на интонации. Говорил он, почти не размыкая губ – длинных, лиловато-розовых, с влажным лаковым блеском. Не губы, а начиненные землей дождевые червяки. Завороженная их скупым шевелением, Иза не сразу заметила остальных особенностей лица, а они тоже могли потешить чье-нибудь любопытство. Белобрысые бачки мужчины упирались в костистые скулы, вяло обтянутые белой, обмякшей волнистыми морщинками кожей – такой она обычно становится на подушечках пальцев после долгой стирки в горячей воде. Дряблость кожи диссонировала с носом римской лепки и волевым подбородком. Но удивительнее всего были глаза – водянистые, дымно-мутные, подернутые во внутренних углах красной паутинкой вен. Четкие зрачки в этих капнутых кровью глазах, проведавших об Изе сразу и всё, выглядели лишними. Как пули. Мужчина расстреливал ими Изу в упор. «Враг», – осмыслила она, почти физически мучаясь от его взгляда.

…Изочка любила ходить с дядей Пашей на ветеринарную станцию. Там в стеклянных ящиках жили подопытные крысы. Изочка забиралась на стул и наблюдала за их копошением в норках под технической ватой. Однажды, улучив момент, она украдкой приподняла ватный покров и едва не упала со стула: из открывшейся пещерки молнией вымахнуло к ней пружинистое, продолговатое белое тельце. Изочка чудом успела отдернуть пальцы и на всю жизнь запомнила зубастую пасть, увеличенную ужасом до размеров пасти средней акулы. Выпуклые глазки твари отсвечивали красным, подвижный нос собрался в оскале розовыми складками… Дядя Паша хорошенько отчитал гостью за вольность. Объяснил, что в крысином обществе (как и в человечьем, кстати, Изочка) попадаются очень недобрые личности.

Так вот, мужчина из приемной комиссии вызывал ассоциативное сравнение именно с той недоброй «личностью» из стеклянного ящика.

Кто он? Преподаватель? Не дай бог, декан, а то и сам ректор? Манеры у мужчины были начальственные, другие в кабинете поглядывали на него как будто с опаской… или показалось?

…Кроме Ксюши с прыгучим рюкзаком на спине, Иза никого перед собой не видела, но в какой-то неуловимый миг навстречу ей шагнула высокая тень. Сбитая с ног тень шумно опрокинулась на дорожку и оказалась существом во плоти. «Маяк», – узнала Иза парня из давешней очереди. Стопка книг, которую он держал под мышкой, разлетелась во все стороны.

– Ничего себе, – прошелестел упавший, чуть приподнявшись на локтях, и снова уронил на асфальт взлохмаченную голову. Брови страдальчески соединились в переносье, крапчатые сердолики родом с неизвестной реки сомкнулись…

– Эй, вставайте! – Иза в панике затеребила его за руку. Напрасно – безвольная конечность не подавала признаков жизни. – Ксюша! Ксюша-а!

Иза не смотрела на несчастного, не в силах была смотреть. Издали слышался хлопотливый шум города, безучастного к мелким событиям. Между ветвями струились гибкие прутья лучей… Мир не изменил летних красок, но на сером асфальте под головой парня наверняка уже расплылась багровая, вязкая, как кисель, лужа. Иза ощущала себя бездушным железным роботом. Это из-за ее слепого сбоя в мыслях скоропостижно погиб человек. Расплести страшный узел, завязывающийся вокруг нее с неотвратимостью судьбы, не смог бы никто, даже храбрая Ксюша. Встревоженная отчаянным зовом, она тотчас принеслась обратно, готовая, – по лицу было видно, – спасти. Но не «маяка», а Изу от него, лежачего… безнадежно мертвого.

– Сперва по одной щеке вдарь, – деловито распорядилась Ксюша, сбрасывая ношу на ближнюю скамью. – Не очнется, так по другой.

Иза нагнулась, заставила себя на него посмотреть. Никакой крови. Ни лужи, ни капли… и совершенно живые глаза насыщенного чайного цвета.

– Спасибо, я уже получил хороший подзатыльник.

Охнув, Иза сама едва удержалась на ногах, трепеща от слабости и облегчения. Жизнь, оказывается, никуда не исчезла! Это была невероятная радость, словно чья-то рука, ради жестокого эксперимента погрузив головы Изы и убитого ею человека в беспросветный мрак, снова вытянула их к свету. С возвращением солнечной аллеи вернулось на место и подскочившее к горлу сердце. Иза видела обезоруживающую улыбку недавнего мертвеца, его пухлые губы, полудетский овал подбородка с тонким бритвенным порезом и тоже счастливо, глупо улыбалась.

– Расхотел помирать? – усмехнулась Ксюша, собирая рассыпанные учебники.

– Кому попало щеки не подставляю, – буркнул он.

– Ах, вот как! Значит, мы – кто попало?! Ну, будь здоров, живи богато, – разозлилась Ксюша и положила книги на скамью.

Наверное, он все-таки сильно ушибся, если не делал попыток подняться. Сотрясение мозга получил, может быть. Иза стеснялась спросить, как парень себя чувствует. Ей было жарко, новое смутное волнение опаливало лицо, и возвратная значительность таких только что ярких подробностей жизни отступила перед смешанным ощущением вины и досады.

– Оригинальное знакомство, – проговорил он, морщась, и неожиданно добавил: – А вы похожи на Царевну-лебедь.

– Да?.. – Иза не нашлась что ответить, не готовая к непринужденному разговору.

– Врубель, – уточнил он. – Помните? У вас глаза такие же. Правда, другого цвета.

Она растерянно топталась поодаль, не решаясь бросить на земле раненого человека, но подтверждались подозрения, что хитрец зачем-то нарочно все подстроил, а Ксюша, надо полагать, поняла это раньше. Сердясь на него и свою доверчивость, Иза помогла ему встать.

– Пошли. – Ксюша закинула рюкзак на плечо.

– А вы, Аника-воин, здорово поете, – сказал парень, придерживая ладонями голову. – Москва! Как много в этом звуке! Не голос, а труба иерихонская.

– Сам ты труба конская! Иза, не слушай его!

– Чуть насмерть не пришибли, и никакого сочувствия…

– Извините, – спохватилась Иза.

– Если понадоблюсь, ищите Андрея Гусева! – крикнул он вслед, и Ксюша погрозила ему кулаком.

Глава 9

Песня без слов

Полная женщина в застекленной будке с плакатным требованием «Предъявите пропуск» проигнорировала Изино робкое приветствие. Или не расслышала. Вахтерша читала газету и неохотно оторвалась от нее. В Москве народ вообще казался на редкость занятым и читал везде, где только мог: в метро, трамвае и даже на рабочем месте. Кроме индифферентной вахтерши в передней обитала волосатая пальма, похожая на небритого тунеядца из журнала «Крокодил». Вероятно, на самочувствии обеих плохо сказывались строительная грязь, запах масляной краски и мельтешение ремонтников на первом этаже.

Абитуриентов поселили на четвертом. Посчастливилось попасть в маленькую угловую комнату, куда были втиснуты обшарпанный шкаф, три кровати с тумбочками, где пустовало пространство для стола. Напротив комнаты блестели свежей эмалью двери туалета и умывалки – соседство с плюсом быстрой доступности и множеством минусов. Зато Изе, как в детдоме, повезло с малонаселенностью.

В оконную створку заглядывали кленовые ветки. Окно смотрело на восток, обрыв за распахнутой рамой завершался тихим, без троллейбусных проводов и трамвайных рельсов, переулком. В противоположном конце общежитского

коридора располагалась кухня с газовой плитой, где позволялось готовить самим, но было не в чем, поэтому обедать решили в студенческой столовой при институте.

Комната скоро преобразилась и расцвела, как преображается любое, пусть временное девичье жилье самой прелестью порхающего присутствия. Третьей «квартирантке», Ларисе Шумейко, удалось разговорить изнуренную ремонтным хаосом вахтершу. Та сообщила, что зовут ее Дарьей Максимовной и что в случае поступления девушки останутся в этой же комнате.

Открыв свое имя, как бы доверившись, вахтерша вдруг загорелась пылом хозяйственной помощи, распотрошила подсобный закуток и выудила из горы хлама две необходимые в быту вещи – алюминиевый чайник и скрученную рулоном географическую карту СССР. Карта прекрасно заменила настенный ковер над Ксюшиной кроватью, одновременно выполняя свою скромную образовательную роль. От себя лично расщедрившаяся Дарья Максимовна добавила громоздкий стол со следами полировки и резными ножками, чья дальняя история была неизвестна, а ближняя хранила признательную память о руках, отскобливших с него липкую грязь помойки. Поднимая возвращенного к жизни мастодонта вверх по лестнице, девушки встретили Андрея Гусева.

– Гусь лапчатый, – поджала губы Ксюша, а Иза взглянула на него, сама того не желая, с симпатией.

– Вы тоже на четвертом? – обрадовался он. – Я контрамарки в цирк достать могу, пойдем?

– Вот поступим – тогда, – важно кивнула Ксюша, – ты меньше балаболь, лучше мебель помоги наверх утартать.

Андрей покорно взвалил стол на спину. Иза терзалась угрызениями совести: бедная его голова, наверное, еще не прошла после ушиба. Но затененное столешницей лицо вроде бы не выказывало признаков боли, Андрей даже умудрялся болтать с Ксюшей.

– В цирк бесплатно грех не сходить.

– Поди, шутом гороховым подрабатываешь тама?

– Меня «тама» фокусник пополам распиливает.

– О, да ты покойник со стажем! – засмеялась Ксюша. – Мы уже видали, как ты помер, чего сто раз смотреть? К сочинению готовиться надо.

Он вздохнул с сожалением:

– Что ж, не смею настаивать и спорить с такой девушкой.

– С какой «такой» девушкой? – насторожилась Ксюша.

– Которая запросто коня на скаку остановит, в горящую избу войдет…

Андрей наконец впихнул стол у окна между кроватями и, по-стариковски кряхтя, разогнул спину:

– Вы, Аника-воин, не только безжалостны, но и неблагодарны.

– По гроб жизни благодарны, – раскланялась Ксюша.

– Да на здоровье. Всегда рад помочь за банку варенья и коробку печенья.

– Ах ты, барыга, на тебе сырок!

– У меня к вам серьезное предложение…

Она захохотала:

– Замуж зовешь?

– Увы, не смогу оправдать ваших пылких надежд, – развел он руки в растерянном жесте, пряча за шутливым тоном смущение. – Я с джазистами хочу вас познакомить. Любопытно, сумеете ли вы петь импровизации.

– Это что?

– Джазовая импровизация – это когда человек имитирует голосом музыкальный инструмент.

– Песня без слов? – Ксюша почему-то тяжело вздохнула. – Давай после экзаменов. Узнаем за нашу судьбу и пойдем – кто в джаз, кто куда…

Андрей поступал в одной группе с Ксюшей, их интересы совпадали, а Иза была ему явно безразлична. Он не искал повода заговорить с ней, смотрел вскользь – так человек смотрит на соседскую кошку, если она случайно попадает в орбиту его взгляда. Иза снова почувствовала себя обманутой, но уже не лукавством, а равнодушием, и не понимала, зачем Андрею было травмировать голову для ненужного знакомства. Она и себя не понимала. Ей-то что до Гусева, не влюбилась же, в самом деле! Но раздражающее положение «третьего лишнего» продолжало обидно саднить. Крутились в уме слова Андрея о ее сходстве с врубелевской царевной. Неточное, между прочим, сравнение, сходства и близко нет… Она подумала так и успокоилась.

Когда Андрей ушел, Ксюша поинтересовалась, расстилая кусок ватмана на столе:

– Чего Гусь про избу-то трекал? Намякивал, что я из деревни?

Про коня не спросила. Должно быть, впрямь могла остановить на скаку…

Ученая врачиха, антифашистка и меломанка Эльфрида Оттовна (Кнолль фамилия) приобщила Ксюшу к классической музыке, а вытравить из воспитанницы местечковый диалект не сумела. Сама, возможно, не очень хорошо изъяснялась по-русски. Мало чему научила и вечерняя школа. Нелегко оказалось крестьянской девушке запрыгнуть с ходу в чуждую ее генной инженерии прослойку, заряженную инерционным аккумулятором городской культуры. Но Ксюша быстро обвыкалась со скоростным временем и специфичным бытом столичной среды. Помогли природная любознательность, цепкая память и усердие, а главное – наследная семейская смекалка, оставившая некогда на бобах целую «ярманку». Этот сборный феномен помог Ксюше сдать сочинение на «четыре». За двое суток она умудрилась выучить наизусть, со всеми знаками препинания, тексты нескольких сочинений из школьной Изиной тетради.

Чтобы не мешать соседкам, Ксюша выносила табурет в коридор и занималась на подоконнике. Просыпаясь ночью, Иза на цыпочках подходила к двери и слышала несмолкаемое бормотанье: «Нигилист Евгений Базаров отрицает все нематериальное (тире) искусство (тут запятая, я бы и сама поставила) дружбу (тоже запятая) любовь и душу (ишь какой!). Он (запятая) например (запятая) говорит Павлу Петровичу (двоеточие) (кавычки открываются, прямая речь) Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта (кавычки закрываются)».

…И вот испытания завершились. В понедельник у стенда со списком зачисленных мелькали счастливые и угрюмые лица.

– Степанцова, Готлиб, Шумейко! – послышался веселый голос Андрея. – Можете убрать кукиши из карманов, вас приняли!

За себя Андрей не волновался: у него была золотая медаль. Ксюша кинулась вперед, удостоверилась, что он сказал правду, и, чуть не плача, выбралась из толпы. Ксюша испытывала одновременно радость и горе, считая себя виноватой перед теми, кому счастье приема не улыбнулось.

– Я бессовестная! – вскричала она в аллее рыдающим шепотом, с размаху плюхнувшись на скамью. – Люди музыкальные школы окончили и провалились, а меня, чурку неотесанную, Вельяминов по блату затолкнул из-за Эльфриды Оттовны!

– А направление из Дома культуры? – напомнила Иза.

– Да то не направление почти! В письме заведующая о семейских песнях написала, про меня всего пять слов в конце. Вельяминов с Эльфридой, конечно, не виноватые… Они мне добра хотели… Не думали, какие хорошие сочинения многие ребята по-честному напишут, а не поступят…

Иза погладила безутешную Ксюшу по плечу:

– Ты лучше всех поешь. И на аккордеоне, Андрей сказал, играешь отлично.

– Позор мне вышел с аккордеоном, – судорожно всхлипнула Ксюша. – Я ж самоучка, в нотах ни бум-бум! Преподаватель спросил: «Играть на чем-нибудь умеете?» – а там аккордеон расчехленный стоял. Я ответила – да, на ём вот. Он книжку с пьесами открыл на пюпитыре… Хотела я признаться, что нот не знаю, и увидала название: «Песня без слов». Ой, думаю, Мендельсон, подвезло мне! Мелодия бравая, пальцам легко вспоминать. Пластинка такая была у Эльфриды, я тую песню часто на своем аккордеоне по памяти подбирала… Преподаватель страницу перевернул, смотрит выжидаючи. Сам, гляжу, красный стал, пыжится чего-то. Я испужалась, а вида не подаю, играю. Он вдруг как захохочет! И остановил. «Вы, – говорит, – Степанцова, неплохо владеете инструментом для любителя. Песня, конечно. Без слов… Но надо было выше названия посмотреть, где буквы маленькие».

– А что там выше?

Ксюша безнадежно махнула ладонью:

– Да автор другой оказался. Сибелиус фамилия. Откель я знала, что у разных композиторов названия пьес бывают одинаковые? – Она шумно набрала носом воздух. – Думала, выгонят меня за вранье. А они – взяли… Видать, шибко большой начальник этот Вельяминов.

Глава 10

Мальчики гуттаперчевый и солнечный

В первую же субботу три законные студентки, свободные до начала занятий, отправились в цирк по добытым Андреем бесплатным билетам.

Иза, против ожидания, не разделила восторгов подружек от представления. Половину полета воздушных гимнастов просидела с закрытыми глазами. Трепет ухающего в бездну сердца почему-то напомнил ей вереницу прошлых несчастий. В тревожном бое барабанов под куполом рождалась щемящая красота, сотворенная из парадокса человеческой хрупкости и силы, а под веками вертелось колесо из ослепительных сполохов и черных птиц. В душное отчаяние

привел Изу рисковый блеск, вызывающий у зрителей азарт и выплеск адреналина за счет чужой игры со смертью.

Приметив, что и Андрей побледнел от волнения, Иза начала подозревать нарочитость в его всегдашнем беспечном шутовстве. Бравурная музыка известила о благополучном завершении номера и потонула в овациях. Последовали эквилибр с бутылками, жонглирование на ходулях – все было столь же ненадежным и зыбким. Изино отчаяние росло, росло… Наверное, поэтому не понравились ни акробатические клоунские трюки, ни искательные глаза прилежных собачек; деревянный шталмейстер будто аршин проглотил… Дрессировщик в оранжевой рубахе вывел на манеж бурого медведя в соломенной шляпе с цветком, и лишь тут Иза вырвалась из ощущения опасной потусторонности: на миг почудилось, что этот медведь – косолапый Баро, вечно голодный друг цыганенка Басиля.

Избирательная память Изы обращалась с воспоминаниями, как школьница с кипой переводных картинок. Захочет – сделает картинку ярче, не захочет – сомнет и выкинет. Но временем, прожитым на сильных эмоциях, распоряжалась особая память. Ее живой пересказ велся словно из-под увеличительного стекла и возвращал чувства и краски даже более выпукло, чем они когда-то существовали в реальности. А может, способность хранить в истинном свете всё впервые испытанное есть вообще свойство детства. Ничем еще не замутненного восприятия мира. Сквозь призму Изочкиных впечатлений взрослая Иза слышала птичьи звуки свирели солнечного мальчика. Ясно представляла его лицо, отличающееся от других, малоприметных лиц какой-то пронзительной, притягательной красотой.

Мама считалась рыжей, несмотря на то что ранняя седина подпортила подлинный цвет ее кудрявых прядей. Гришка был рыжим. Но никогда Иза не встречала людей, чьи волосы, как у Басиля, напоминали бы густой ворох тонких колец, плетенных из медных и золотых нитей. А еще – ни раньше, ни в нынешних мыслях не могла постичь в нем ту подспудно зреющую, подернутую неизвестностью тайну, что волновала ее с давних пор.

«Мы ходим по разным дорогам, – сказал солнечный мальчик. – Я – ром[11 - Ром – цыган, мужчина (цыганск.).]. Ты – другая. Но я буду помнить тебя. И ты меня не забудь… На бистыр!»[12 - На бистыр! – Не забудь! (цыганск.).]

«На бистыр», – пообещала Изочка.

Цирковой медведь выступал с явным удовольствием. Танцевал с дрессировщиком вальс, потешно солировал вполуприсядку и казался бутафорским, ненастоящим… А в немеркнущей памяти с готовностью возникал Баро. Свалявшаяся шерсть в клочьях и подпалинах, на шее железный обруч с шипами – Баро возвышался в центре человечьей стаи, готовой, чуть что, порскнуть в стороны пестрыми брызгами. Пожилой цыган в узорном жилете тыкал медведя дубинкой в бока и визгливо покрикивал: «Эй, пляши! Пляши давай!» Баро не слушался, и тогда из зрительской гущи выскользнул огненно-рыжий мальчик с улыбкой как луч. Мальчик заиграл на свирели, медведь обратил к нему курносую морду и засмеялся по-своему, вывалив из угла пасти красный ломоть языка. Затоптался вокруг себя – не зверь, а холм, покрытый линялой травой. Сделал одолжение мальчишке. Чего не сделаешь ради дружбы… Кто-то бросил большой кусок хлеба. Взрослый цыган не успел перехватить, выругался и несильно, пугливо стукнул косматого артиста дубинкой по лапе. Не удостоив мучителя взглядом, Баро повернулся к нему спиной и съел хлеб.

Глаза Изы вернулись к арене. Под ухоженной шкурой здешнего медведя, содрогаясь с обманчивой грузностью, маслянисто переливались гибкие мышцы. Этот зверь был молод и полон сил, а кости старика Баро цыгане, должно быть, давно закопали на обочине одной из кочевых дорог. Изочка видела его всего несколько часов, но поняла, как сильно медведь и мальчик привязаны друг к другу и как похожи друг на друга непокорными нравами.

Иза решила больше не ходить в цирк, даже если Андрею снова удастся разжиться контрамарками.

– Я все ждала, когда тебя пилить станут, – напомнила ему Ксюша.

– Кровожадная, – ухмыльнулся он. – Фокусник временно не работает, кролики цилиндр сгрызли… Понравился цирк?

– Бравый, – выдохнула Ксюша и прижала руки к груди от обилия чувств.

Андрей засмеялся, открыто наслаждаясь Ксюшиной радостью, а ведь Изе казалось напускным его беззаботное поведение.

– Цирк в первый раз – это всегда здорово!

– В Киеве я получше цирк видела, – снисходительно сказала Лариса, – и не раз.

Ксюша задумчиво оглянулась на красочную афишу:

– Я тоже видала раньше. В зеркале…

– Как – в зеркале?

– Не будете дразниться, если расскажу? В пятом классе старший брат мой Ленька книжку с библиотеки принес про гуттаперчевого мальчика и пристал – читай. Ну, я давай читать. Оторваться не могла, плакала, плакала… Мальчика жалела. Подхожу потом к зеркалу с лампой на нос глянуть, шибко ли красный. На репетицию собиралась. Зеркало у нас было старое, я его любила – бабушкино зеркало. Рама в позолоте, в углах трещинки, лицо будто в слюде отражается. Мама говорила – вечером не смотритесь, всякая небылица к ночи мерещится в нем… Нос, гляжу, точно свекла, как в клуб идти? Все увидят, там же электричество, на нашей-то улице не провели еще… Вдруг что-то маленькое шевельнулось в зеркале… я глазам не поверила: мальчик! Гуттаперчевый мальчик! Бегает вверх-вниз по трещинке, как по канатику, меня зовет! И зашла бы я в тоё гуттаперчевое царство, а не могу! Слезы вдругорядь… А он…

Ксюша зажала нос пальцами и зажмурилась.

Изу удивила неправильно понятая ею Ксюшина радость, как выяснилось, тоже вовсе не бездумная, с воспоминанием о детстве. Зеркальный канатоходец снова вызвал в Изиных мыслях образ Басиля, а Ксюша продолжила:

– …Он с канатика соскользнул, с трещинки-то своей, рукой в стекло насквозь!.. Тут зрители как завопят!

– Зрители?

– Ну да, – блеснула Ксюша глазами, – цирк же… Откуда-то клоун прыгнул на арену, весь белый, мучной, то ли с гриму, то ли со страху. Заматерился, – догадалась я по губам. Мальчик клоуну улыбнулся, руки по сторонам упали… и…

И всё. Опять в зеркале муть, а свет от лампы не керосиновый, дале-екий… облачный… Не пошла я на репетицию. Лежала, плакала, мама думала – заболела я. Преснушек испекла мне с сахаром… А на другой день разбилось наше зеркало. Ни с того ни с сего разбилось, никто не трогал. Упало, дзынь – чисто салют… Честно, не вру. – Ксюша машинально перекрестилась. – Мама велела подмести осколки голиком[13 - Голик – веник из голых веток.] и вместе с ним выбросить. По сию пору не пойму, что это было.

– Мещанские фантазии, – фыркнула Лариса.

– Сила литературы, – возразил Андрей.

Странный он все-таки. Другие парни любили поговорить о мотоциклах, моторных лодках, машинах, а он слушал девчачье «плакала, плакала, мальчика жалела» с серьезным лицом. Иза угадывала в Андрее натуру родственного склада и тайно обижалась, что на нее его отзывчивость не распространяется.

– Завтра пойдем на рынок, – сменила Лариса неинтересную ей тему. Стремясь перещеголять в «шмотках» заносчивых москвичек, она не поехала после экзаменов в свой город и торопилась теперь потратить сохраненные деньги на модную одежду.

…Догнать и перегнать тех, кто в чем-то преуспел больше тебя, любому приятно, и человеку, и государству. Но заявленные сроки обязательства неизбежно требуют жертв. Если практичная Лариса собралась из-за форса жить до осени впроголодь, то государство летало в космос, вооружалось атомом и стойко держалось на пьедестале великой державы, отбросив второстепенные по значимости отрасли промышленности в остаточные ряды производства. Сознательные граждане должны были понимать важность борьбы за пьедестал и скромно довольствоваться тем, что дают. Граждане понимали, но отсталые конвейеры внутренней индустрии не поспевали за ростом потребностей и не удовлетворяли растущих нужд. Поэтому граждане, независимо от степени сознательности, паслись на полууголовных рынках, стыдливо утоляя по возвышенным ценам низменные материальные желания.

Над тесной, совсем не тихой территорией рынка витали мощные запахи южных фруктов, сундучного нафталина и раздевалки спортзала. В торговых киосках было представлено как разнообразие сельхозпродукции, так и весь немалый

список дефицита, включая изделия подпольных кустарных цехов. На устланной газетами земле расположилась тряпичная и чердачно-подвальная «блошиная» дребедень. Знатоки порой обнаруживают в ней жемчужины антикварных трофеев. Под маневренными навесами красовался «самострок» с фирменными лейблами и товары государств социалистического содружества. Вещи, просочившиеся из капстран по неофициальным дипломатическим каналам, ходили по рукам в густых толпах. Зрение Изы рассеялось и запуталось в движущейся пестроте: лубок и керамика, пух шалей и варежек, немецкие куклы с личиками престарелых лилипутов, корейские парики, натянутые на трехлитровые банки… Сколько же тут всего! Голоса торговцев зовут, перекрикивают друг друга. Их совестно оставить без внимания, они обладают гипнотическими способностями заманивания и убеждения – это, может, мошенничество, а скорее искусство.

Дебелые дамы больших размеров застенчиво спешили прямо на платья примерить югославские купальники за импровизированной занавеской, то есть у всех на виду. Подняв вверх точеные руки по локоть в браслетах под малахит, словно под расстрелом, стояла женщина журнальной красоты. Рядом с зеленорукой кариатидой бойкая бабулька – типичная представительница всех барахолок – помахивала косынкой плодово-ягодных тонов:

– Возьми-ка, милок, супруге в подарок… Сама бы носила, да деньги шибко нужны…

Едва довольный «милок» окунулся с покупкой в толпу, бабулька вытянула из-под ворота темной кофты вторую такую же косынку.

Не без оснований подозревая в Изе транжиру, Ксюша посоветовала ей не брать много денег. Пятую часть из похудевшей маминой пачки Иза сжимала в кулаке, в кармане юбки. Борясь с соблазнами, мужественно решила отвернуться от модельных туфель на каблучке… И купила. Бежевые, в тон сумочке, в компанию к французским духам, чтобы уважать себя, как Бэла Юрьевна.

Ксюша в недоумении остановилась возле шляп из белоснежного фетра: кто ж согласится носить такие маркие? Лариса пощупала нейлоновую блузку с мелко плоеным воротником. Спросила цену и гордо отошла. Нет уж, пусть продавец не воображает, что любая комсомолка готова подпасть под растлевающее влияние Запада.

Три невесомые шубки легкомысленных расцветок колыхались в палатке на плечиках, напоминая покупателям, что зима никогда не выйдет из моды… Да, зима. Иза коснулась ладонью искусственного меха – он был податливый, но не шелковистый. Вызвала осуждение подруг: не бери, непрактично! Ксюша приглядела ей демисезонное пальто стального цвета, с серебристо лоснящимся норковым воротником. Иза примерила пальто и во всем с ним совпала. Будто на заказ пошитое, оно мягко обтекало талию, сбегая чуть ниже колен. Ни под одной пуговицей не морщился плотный, нездешнего качества драп.

– Шик-модерн! – похвалила Лариса.

К пальто подобрались пушистая голубая шапочка (мохэр, девушка, чистый мохэр!) и крепкие финские сапожки на небольшом каблуке, с кнопками-застежками.

Наконец-то Иза облачится в собственное, не казенное! Новые вещи казались ей залогом вхождения в неведомый, непрозрачно вихрящийся московский мир. Представила, как пройдет зимой по улицам чудесно одетой Снегурочкой. Ледяными искрами вспыхнут взоры уважающих себя дам в роскошных шубах, оглянутся восхищенные молодые люди. С каждым разом сноровистее отталкиваясь от каблучков, Иза побежит памятью от сумрачных детдомовских коридоров. Далеко позади останутся груды заскорузлых валенок, сохнущих по бокам круглых «голландских» печей…

Заталкивая покупки в большую Ларисину сумку, Ксюша заботливо сказала:

– Я сильная, я потащу.

На остатки денег Изе хотелось порадовать девчонок чем-нибудь красивым, пусть даже малополезным. И оно, это красивое, само обратилось к ней зеленовато-индиговым оком… Перо жар-птицы! Истомленные зноем, чуть подрагивали ворсистые волоски опахала – ресницы загадочных гурий тысячи и одной ночи. Восточная сказка нежно волновалась на ветру: я ж тебя выбрала, что стоишь? Иза посчитала копейки.

– Ваше, раз друг другу понравились, – понимающе кивнула хозяйка дивного глаза. Горсть монет высыпалась в подставленную ладонь… и тут же Иза обо всем забыла, потерянно метнулась куда-то…

– Девушка! Перо-то возьмите! – удивилась торговка.

Неуловимо знакомый говор чудился в вавилонской многоязыкой, многоголосой стереофонии рыночного шума. Или из сердцевины всколыхнутого детства донеслась гортанная речь?.. Вернувшись за тотчас поблекшим пером, Иза сквозь душные стены жадной вещевой трясцы, грудей, животов, спин продралась туда, где звучали голоса надрывного ветра и кочевых дорог.

…Временами ей казалось, что она придумала солнечного мальчика и совсем другая девочка встретилась с ним на якутском базаре. Давно… в приснившемся зазеркалье… Не она сбежала из дома в надежде вернуть украденный портфель, не ее привела в табор цыганка с разными глазами – черным и золотым… не Изочка, обжигая пальцы и губы, обкусывала со своего края лепешку восхитительно горячей карамели, одну на двоих с мальчиком. Не было волшебной цистерны… и не летел в воду из небесного круга столбец лучистой пыльцы.

Заметив пристальный взгляд, к Изе вихляво приблизилась молодая цыганка с дико взблескивающими из-под шалевой бахромы глазами. За ее оборчатую верхнюю юбку цеплялся чумазый мальчонка лет пяти.

– Красавица, погадать тебе?

Иза молчала.

– Погадать? – повторила цыганка и что-то на ощупь увидела, что-то поняла в Изе своим древним наследным наитием. – А хочешь, так просто денег дай.

– Извините, – очнулась Иза, – может, вы знаете мальчика с медведем по кличке Баро? Ой, что я говорю, не мальчика, молодого человека… Басиль его зовут, – и совсем смешалась в словах и мыслях: – Медведя у Басиля, должно быть, уже нет… нигде нет…

– Ром, что ли?

– Да, цыган, но не темный, не похожий на них… на вас… Рыжий.

– Не знаю, – мотнула головой цыганка. – Денег дай.

– Денег дай, – пискнул из-за материной юбки черноглазый малыш.

Иза огорченно развела руками:

– Нет денег, вот только это, – и, не колеблясь, протянула цыганенку перо птицы-жар. Он молниеносно, пока не раздумали, ухватил добычу липкими от базарных лакомств пальчиками.

– Павлин, – разочарованно сказала цыганка. – Зачем нам твой павлин?

Развернулась, мелькая грязными лодыжками из-под юбки, многослойной, как геологический срез… Малыш бережно укрыл подарок подолом рубашонки и побежал за матерью. Иза стояла зыбким деревцем в шквале захлестнувшего ее бродячего ветра, стараясь дышать спокойно, – сердце колотилось у горла и перекрывало дыхание.

…Дайе[14 - Дайе – мать (цыганск.).] Басиля загляделась на Изочкину ладонь, словно в ней нарисовалось кино, никем еще не снятое. Усмотрела изменения в вариантах незавершенного сценария, черновую прикидку актеров, проверочные дубли с главной героиней… «Ай, маленькая, нат бахт тукэ…»[15 - Нат бахт тукэ… – Нет счастья тебе… (цыганск.).] Разноцветные глаза сверкали в отсветах костра дрожащей влагой. Дайе зачем-то сравнила ладони детей и запричитала: «Оба потеряете, найдете себя… и потеряете… и нет вам покоя…» «Не говори так!» – одернул мать Басиль. «Не я говорю, судьба вещает, чяво…»[16 - Чяво – сын (цыганск.).] Каждое слово колдовским огнем выжглось в сердце Изочки.

Цыганка будто обо что-то споткнулась:

– Эй, красавица! Басиль Санакунэ бала?

– Не понимаю, – рванулась вслед Иза.

– Санакунэ бала – золотые волосы, – резко встала цыганка, утвердившись в догадке. – Ты, значит, Басиля ищешь. Златоволосого Басиля.

Малыш упал, зашиб коленку и заплакал горько, безмолвно.

– Да, златоволосый! Это он, он!

– Что передать, если встречу?

– На бистыр! – закричала Иза, прижав ладони к горящим щекам. – Скажите ему – на бистыр!

Цыганка досадливо дернула сына за руку: вставай, чяво, затопчут, ром ты или нет, пошли. Оглянулась напоследок – запомнить крепче, и слилась с затуманившейся в глазах рябью.

– Скажу-у, – принесло ветром издалека или послышалось…

– По-цыгански калякаешь?! – раздался над ухом повышенный изумлением голос Ксюши (о Басиле Иза ничего ей не рассказывала). – Ох, гляжу, кручена же ты девка!

Иза не отшутилась, стерпела молча. Она и в мелких спорах с Ксюшей первой выбрасывала белый флаг, признательная за ее негласное шефство. Плелась устало, словно не Ксюша, а сама она волокла большую сумку, полную Снегурочкиных вещей.

Среди многих детских воспоминаний это, таборное, виделось детально и живо. Иза предпочла бы забыть массу всего, что оставило в душе болезненные зарубки, а за яркие подробности «цыганского» дня, по самую каемку затопленного солнцем и счастьем, была благодарна памяти. Той памяти, в чьем оптическом фокусе неприкосновенными остались лохматые, в пятнах веселых заплат и дыр, шатры веселых кочевников. Иза знала: тогда, десять лет назад, она впервые влюбилась. Сердце Изочки внутри ее взрослого сердца до сих пор тосковало и отчаянно надеялось на что-то смутное, невозможное по всем доводам здравого рассудка. Санакунэ бала – Златоволосый. Вот как они его назвали… Прощаясь с Изочкой, мальчик сказал: «У меня есть невеста. Она недавно родилась. Нас вчера сосватали. Я не люблю ее. Я тебя люблю».

Невесте Басиля исполнилось десять лет. Еще столько, сколько Изе учиться, – и цыгане подтвердят детскую помолвку. Сыграют настоящую цыганскую свадьбу.

Глава 11

Сто – число хлебное

В подкрашенном вечерней синькой окне шуршала увядшими листьями чужая осень. Листьев осталось мало. Они с мышьей хлопотливостью шебаршились за стеклом – нереальной красоты кленовые листья, медно-красные, с прощально стекшим к пальчатым краям пурпуром близкого тлена. Клен ты мой опавший… Засыпая в маленькой комнате на четвертом этаже студенческого общежития, Иза все не могла привыкнуть к тому, что деревья в Москве такие большие.

Ночь с помощью ветвей рисовала на лунном шаре колесный двухпалубный пароход. Судно плыло по Лене, останавливаясь у продутых речным ветром дебаркадеров, шло дальше, но не достигало берега. С утра дворницкая метла начинала скрести мостовую, свиристели далекие троллейбусные дуги; за уличной прелюдией вступал хор по общежитскому радио: «Союз нерушимый республик свободных…» Спохватившийся Ларисин будильник с суматошным звоном дробил осколки сна, и пароход без признаков катастрофы тонул в волнах неторопливых сумерек.

Ксюша заносила вскипевший чайник. На постели напротив пружинисто садилась Лариса, терла лицо. Круглые, блестящие, как ягода вишня, глаза спело выкатывались из-под век готовыми к цепким наблюдениям и преданным взглядам на преподавателей. На курсе она слыла примерной комсомолкой и с похвальной активностью включалась во всевозможные мероприятия. Многие, правда, считали ее нервной и даже стервозной от избыточной любви к партии и ВЛКСМ. Одна из Ларисиных выходок на почве комсомольской нравственности и зарубежной литературы неожиданно сблизила Изу с Андреем.

Преподавательница по «зарубежке» рекомендовала курсу ознакомиться с романом Мопассана «Милый друг». Ниночка Песковская, девушка из одной с Ларисой группы, одолжила Андрею свою домашнюю книгу. Роман некоторое время беспечно «гулял» по общаге из одной комнаты в другую, попал к Ларисе и

до глубины души потряс ее непристойностью текста.

Когда порочный Мопассан вернулся к Ниночке, выяснилось, что особо аморальные отрывки в произведении отсутствуют. Кто-то аккуратно вырезал из книги целые абзацы и вклеил вместо них журнальные фотографии с портретами ударниц социалистического труда.

Владелица не стала скандалить, но потребовала найти вредителя: ей было важно вернуть на место удаленные фрагменты. Нить следствия размоталась клубочком по коридору и привела Андрея в последнюю комнату. Он вообще-то с самого начала смекнул, чья беспощадная рука расправилась с фривольностями французского классика. Тем не менее хитроумно вызвал в коридор не Ларису, а Изу. И правильно сделал. У девушек уже произошел крупный разговор. Вахтерша Дарья Максимовна дала Ксюше подшивку журнала «Работница», и, не успела та ее просмотреть, как обнаружила в урне несколько изодранных номеров. На скомканные книжные обрезки не обратила внимания. Во время ссоры Иза их тихонько и подобрала.

Успешный следователь и ближайшая соседка преступницы до полуночи проболтали у коридорного окна на не относящиеся к криминалу темы. Рассуждая, впрочем, о поэзии Маяковского, Андрей вспомнил счастливый клубочек и потешно изобразил Ларисины страдания в рамках высоконравственных принципов советского читателя.

– Да будь я и негром преклонных годов,

Никто б не сказал, что пижонка, —

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кёрчэх – якутское блюдо, сливки с добавлением ягод или варенья, взбитые в пышную массу.

2

«Кольцо нибелунга» – оперная тетралогия Р. Вагнера, основанная на скандинавских и древнегерманских сагах.

3

Ого-кут – детская душа (якутск).

4

ТФТ – тяжелый физический труд. Рекомендация ТФТ стояла на справке спецпоселенца – документе, выдаваемом спецотделом МВД представителю «социально опасного контингента» вместо паспорта.

5

Огокком – дитятко мое (якутск). Буква «м» придает слову «огокко» (дитя) более нежный и собственнический оттенок.

6

Ийэ – мать, мама (якутск.).

7

Алас – луговая пойма, удобная для сенокоса и выпаса скота (якутск).

8

Алгыс – благословляющая песнь, молитва (якутск).

9

Слова героини пьесы А.Н. Островского «Гроза».

10

Фрося Бурлакова – героиня кинофильма «Приходите завтра» (Е. Савинова, реж. Е. Ташков, 1963 г.).

11

Ром – цыган, мужчина (цыганск.).

12

На бистыр! – Не забудь! (цыганск.).

13

Голик – веник из голых веток.

14

Дайе – мать (цыганск.).

15

Нат бахт тукэ… – Нет счастья тебе… (цыганск.).

16

Чяво – сын (цыганск.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/borisova_ariadna/vsegda-vozvraschayutsya-pticy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить